

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УО «ВИТЕБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА
ФАКУЛЬТЕТА ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Художественные тексты для чтения и развития речи

Часть III

Учебно-методическое пособие для студентов 3 курса
(специальности «стоматология», «лечебное дело»,
«фармация»; русский язык обучения)

Рекомендовано Учебно-методическим объединением по высшему медицинскому, фармацевтическому образованию в качестве учебно-методического пособия для иностранных студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальностям 1-79 01 01 «Лечебное дело», 1-79 01 08 «Фармация», 1-79 01 07 «Стоматология»

Витебск, 2018

УДК = 82:612.789(072)
ББК 81.411.2-51я73
Х 98

Рекомендовано к изданию Центральным учебно-методическим советом ВГМУ
(протокол № 3 от 21.03.2018 г.)

Рецензенты – кафедра русского языка как иностранного Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, зав. кафедрой – доцент С.М. Яковлев;
доцент кафедры белорусского и русского языков Белорусского медицинского университета, кандидат филологических наук В.В. Белый.

Х 98 Художественные тексты для чтения и развития речи (Часть III) / учебно-методическое пособие / Брус Т.Б., Васильева Т.Ю., Васильева С.Г., Вишневская Ю.И., Жилина И.К., Куриленко К.В., Лейко И.М., Малькова Т.А., Мандрик Э.Л., Родионова О.Ю., Петросян О.Б., Рахманова И.Г., Флоряну Г.Н., Флоряну И.А., Харзеева Л.И. – Витебск : ВГМУ, 2018. – 148 с.

ISBN 978-985-466-928-1

Цель учебно-методического пособия – развитие и совершенствование навыков устной и письменной речи, обогащение словарного запаса, а также частичное ознакомление с русской историей и культурой.

Адаптированные художественные тексты расположены по мере возрастания сложности, снабжены краткими сведениями об авторах, толкованием особо трудных для восприятия слов и словосочетаний, предтекстовыми и послетекстовыми заданиями.

Третья часть учебно-методического пособия рекомендуется для студентов-иностранцев 3 курса (спец. «лечебное дело», «фармация», «стоматология»).

УДК = 82:612.789(072)
ББК 81.411.2-51я73

ISBN 978-985-466-928-1

© Брус Т.Б., Васильева Т.Ю., Васильева С.Г.,
Вишневская Ю.И., Жилина И.К., Куриленко К.В.,
Лейко И.М., Малькова Т.А., Мандрик Э.Л.,
Родионова О.Ю., Петросян О.Б., Рахманова И.Г.,
Флоряну Г.Н., Флоряну И.А., Харзеева Л.И., 2018
© УО «Витебский государственный медицинский
университет», 2018

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТОК

Андрей Платонович Платонов
(1899-1951)



Русский советский писатель. Писал рассказы, романы, стихи. Во время Великой Отечественной войны был специальным корреспондентом газеты «Красная звезда».

Сказка-быль «Неизвестный цветок» относится к числу произведений, написанных о детях и для детей, но в ней поднимаются глубокие философские проблемы прекрасного в жизни и в природе и ответственности человека за красоту земли.

Задание 1. Запомните значение следующих слов.

Быль – то, что было в действительности.

Пустырь (пустой, пусто) – участок земли, который не используется.

Венчик – часть цветка, состоящая из лепестков.

Благоухание – аромат, приятный запах.

Задание 2. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТОК

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни.

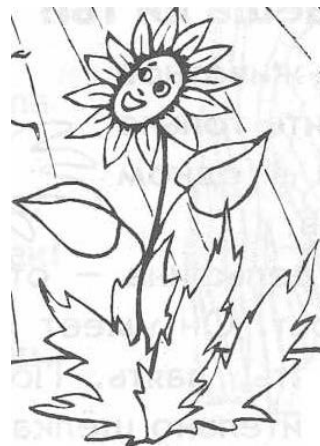
Нечем было ему питаться в камне; капли дождя,

упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок всё жил и жил и рос помаленьку выше.

Днём цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он превозмогал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомлённых листьев.

Цветок, однако, не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Всё же он постоянно старался расти.

В середине лета цветок распустил венчик сверху. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И как звезда, он светился живым мерцающим огнём, и его видно было даже в тёмную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою.



И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а нынче утром проснулась и заскучала по матери. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно скорее дошло.

На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шёл с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, её давно

рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который всё грустил по своей матери – розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть.

«Может, этот цветок скучает там по своей матери, как я», – подумала Даша.

Она пошла на пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда ещё не видела такого цветка ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду – нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

– Отчего ты такой?

– Не знаю, – ответил цветок.

– А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

– Оттого, что мне трудно, – ответил цветок.

– А как тебя зовут? – спросила Даша.

– Меня никто не зовёт, – сказал маленький цветок, – я один живу.

Даша осмотрелась на пустыре.

– Тут камень! – сказала она. – Как же ты один живёшь, как же ты вырос и не умер, маленький такой?

– Не знаю, – ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все пионеры. Даша привела их, но ещё задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала:

– Слышите, как хорошо пахнет? Это он так дышит.

Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем.

Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй.

Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнёт, а из его семян вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с маленьким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали.

А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она помнила о маленьком неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы проведать его.

Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки. От цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика.

Однако прошлогоднего цветка, жившего между камней и глиной, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного хуже, чем тот первый цветок. И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок – такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и ещё прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и ещё сильнее отца, потому что он жил в камне.

Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовёт её к себе безмолвным голосом своего благоухания.

Задание 3. а) Прочитайте следующие предложения и выпишите из них слова с корнем -свет-.

1. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И как звезда, он светился живым мерцающим огнём, и его видно было даже в тёмную ночь.
2. Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.
3. Тогда из его семян вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

б) Вставьте вместо точек подходящие по смыслу слова с корнем -свет- в нужной форме.

1. В комнате горит электрический
2. Вдали показались ... окна домов.
3. На девочке было ... платье без рукавов.
4. В вечернем городе ... огни рекламы.

Задание 4. *Выпишите из следующих предложений формы сравнительной степени и укажите прилагательные или наречия, от которых они образованы.*

1. Цветок всё жил и жил и рос помаленьку **выше**.
2. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно **скорее** дошло.
3. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного **хуже**, чем тот первый цветок.
4. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок – такой же точно, как тот старый цвет, только немного **лучше** его и ещё **прекраснее**.
5. Он был живой и терпеливый, как его отец, и ещё **сильнее** отца, потому что он жил в камне.

Задание 5. а) *Прочитайте следующие предложения и выпишите из них антонимы.*

1. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды, и его видно было даже в тёмную ночь.
2. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок – такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и ещё прекраснее.

б) Подберите антонимы к выделенным словам и придумайте (устно) с ними предложения.

Маленький цветок, жить **печально**, долгая зима, **вспомнить** сказку.

Задание 6. *Прокомментируйте реплики диалога:*

- А как тебя зовут? – спросила Даша.
- Меня никто не зовёт, – сказал маленький цветок, – я один живу.

Задание 7. *Найдите в тексте сравнения.*

Например: Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и **любовались им, как героем.**

Задание 8. *Прочитайте следующие предложения и найдите среди них то, которое не соответствует содержанию прочитанного.*

1. На пустыре среди голых камней рос цветок.
2. Даше понравился цветок, растущий среди камней.
3. Девочка вместе с пионерами удобрила на пустыре землю.
4. На следующее лето она увидела, что пустырь зарос цветами и травами.
5. Прошлогодний цветок-труженик рос на прежнем месте.

Задание 9. Прочитайте вопросы к тексту и ответьте на них.

1. Как вы думаете, почему автор определил жанр своего произведения как сказку-быль?
2. Что вы можете сказать о характере Даши? Как вы думаете, почему из всех цветов, выросших на пустыре, Даше больше всего понравился цветок, растущий среди камней?
3. Как относится автор к своей героине?
4. Какое значение в тексте имеет образ цветка-труженика?
5. Как вы думаете, почему писатель назвал своё произведение «Неизвестный цветок»?

Задание 10. Расскажите, что вы узнали о цветке.

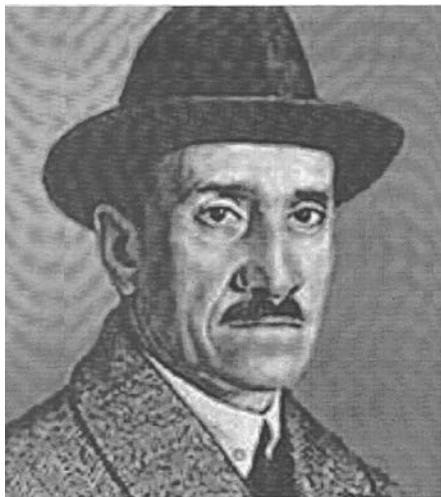
Задание 11. Перескажите текст от имени Даши.

Задание 12. Закончите (письменно) данное предложение.

Я думаю, что смысл этого произведения заключается в том, что, во-первых, ...

ГОЛОС И ГЛАЗ

Александр Степанович Грин
(1880-1932)



Русский советский писатель.

Его жизнь была нелёгкой, но «... он любил живую, красивую, сильную жизнь, его герои ищут справедливости, свободы, верят в высоту человеческого духа». Так сказал о писателе один его поэт-современник. Произведения Грина – поэтически и психологически утончённые сказки, новеллы и этюды, в которых рассказывается о радости сбывающихся фантазий, о праве

человека на большее, чем простое «проживание на земле». Грин любил экзотические названия и имена. В своём известном романе-феерии «Алые паруса» он писал: «Я понял одну нехитрую истину: она в том, чтобы делать чудеса своими руками». Некоторые его произведения экранизированы.

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Незнакомые запишите.

Бессознательно – здесь: безотчётно, непроизвольно.

Румянец – розово-красный цвет лица или щёк.

Повязка – бинт или другой материал, которым завязано больное место.

Исчезнуть ≠ появиться; **исчезновение**.

Сомнение – отсутствие твёрдой веры во что-либо.

Задание 2. Найдите общую часть слов, приведите с ними примеры.

Пугаться, испугаться, испуганный, испуг; зрение, зрячий; слепнуть, ослепнуть, слепота, слепой; сомнение, сомневаться, сомнительный.

Задание 3. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

ГОЛОС И ГЛАЗ

Слепой лежал тихо, сложив на груди руки, улыбаясь. Он улыбался бессознательно. Ему не разрешали шевелиться, он делал движения только в случаях необходимости. Так он лежал уже третий день с повязкой на глазах.

Оберегая нервы Рабида, профессор Ребальд не сказал ему, что операция удалась, что он, безусловно, станет вновь зрячим... Поэтому, прощаясь, профессор каждый день говорил Рабиду:



– Будьте спокойны. Для вас сделано всё, остальное приложится.

Среди мучительного напряжения, ожидания и всяких предположений Рабид услышал голос подходившей к нему Дэзи Гаран. Это была девушка, служившая в клинике; часто в тяжёлые минуты Рабид просил Дези положить ему на лоб руку и теперь с удовольствием ожидал, что эта маленькая дружеская рука ляжет на его неподвижную голову. Так и случилось.

Когда она отняла руку, он понял, что главным его страхом за последнее время стало опасение никогда не увидеть Дэзи. Он представлял себе Дэзи нежным и стройным существом, нарисованным звуком её голоса.

Это был тёплый, весёлый и близкий душе звук молодой жизни, богатый певучими оттенками, ясными, как тёплое утро.

Разговаривая в течение трёх недель только с ней, подчиняясь её легкому и настойчивому уходу, Рабид знал, что начал любить её уже с первых дней. Теперь выздороветь – стало его целью ради неё.

Он думал, что она относится к нему с глубоким сочувствием, благоприятным для будущего. Слепой, он не считал возможным задавать вопросы, откладывая решение их к тому времени, когда оба они взглянут друг другу в глаза. И он совершенно не знал, что эта девушка, голос которой делал его таким счастливым, думает о его выздоровлении со страхом и грустью, так как она некрасива. Её чувство к нему возникло от одиночества, сознания своего влияния на него. Он был слеп, и **она могла спокойно смотреть на себя его внутренним о ней представлением.** И она знала, что он любит её.

До операции они подолгу и помногу разговаривали. Рабид рассказывал ей о своей жизни, она – обо всём, что делается на свете теперь. И её разговор был полон очаровательной мягкости, как и её голос. Расставаясь, они придумывали, что бы ещё сказать друг другу. Последними словами её были:

– До свидания ... , пока.

– Пока... – отвечал Рабид, и ему казалось, что в этом «пока» есть надежда.

Он был строен, молод, смел, шутлив, высок и черноволос. У него, наверное, были чёрные блестящие глаза со взглядом в упор. Представляя этот взгляд, Дэзи отходила от зеркала с испугом в глазах. И её болезненное, неправильное лицо покрывалось нежным



румянцем.

– Что будет? – говорила она. – Ну, пусть кончится этот хороший месяц. Верните ему зрение, профессор Ребальд, прошу вас!

И вот наступил час испытания. Профессор, и его помощник, и с ними ещё несколько учёных окружили Рабида.

– Дэзи! – сказал он, думая, что она здесь, и надеясь первой увидеть её. Но её не было именно потому, что в этот момент она не нашла сил видеть, чувствовать волнение человека, **судьба** которого **решалась снятием повязки**. Она стояла посреди комнаты, прислушиваясь к голосам и шагам. Потом вздохнула и покорилась судьбе.

Повязка была снята.

– Дело сделано, – сказал профессор, и его голос дрогнул от волнения. – Смотрите, откройте глаза!

Рабид приоткрыл глаза, продолжая думать, что Дэзи здесь, и стыдясь вновь окликнуть её. Прямо перед его лицом висела складками какая-то занавесь.

– Уберите материю, – сказал он, – она мешает. И, сказав это, понял, что видит.

Теперь он нетерпеливо ждал, когда уйдут все люди, возвратившие ему зрение, чтобы позвать Дэзи, сказать ей всё самое главное. Но ему приходилось отвечать, как он себя чувствует и как видит.

И вот Рабид позвонил, сказал прислуге, что ожидает немедленно к себе Дэзи Гаран, и стал смотреть на дверь.

Узнав, что операция прошла удачно, Дэзи вернулась в свою комнату со слезами на глазах, оделась в хорошенькое летнее платье. Свои густые волосы она прибрала просто и с открытым всему лицу, подняв голову, **подошла с улыбкой на лице и казнью в душе** к дверям, за которыми всё так необычайно переменилось.

Казалось ей даже, что там лежит не Рабид, а некто совершенно иной. И, припомнив многие мелочи их встреч и бесед, она поняла, что он действительно любил её.

Коснувшись двери, она помедлила и открыла её, почти желая, чтобы всё осталось по-старому. Рабид лежал головой к двери, ища её позади себя глазами. Она прошла и остановилась.

– Кто вы? – вопросительно улыбаясь, спросил Рабид.

– Правда, я как будто новое существо для вас? – сказала она, мгновенно возвращая ему звуком её голоса всё их короткое прошлое.

В его чёрных глазах она увидела нескрываемую радость, и страдание отпустило её. Не произошло чуда, но весь её внутренний мир, вся её любовь, страхи, самолюбие и отчаянные мысли и все волнения последней минуты выразились в такой улыбке залитого румянцем лица, что вся она, со стройной своей фигурой, казалась Рабиду звуком струны, обвитой цветами. Она была хороша в свете любви.

– Теперь, только теперь, – сказал Рабид, – я понял, почему у вас такой голос, что я любил слышать его даже во сне! Теперь, если вы даже ослепнете, я буду любить вас и этим вылечу. Простите меня. Я немного сумасшедший, потому что воскрес. Мне можно разрешить говорить всё.

В этот момент его точное представление о ней, рождённое тьмой, было таким, какого не ожидала она.

Задание 4. Объясните, как вы поняли выделенные в тексте выражения.

Задание 5. Вставьте нужные слова.

1. – Дело сделано, – сказал профессор, ... зрение Рабиду.

2. Каждый раз, снимая повязку и ... зрение пациенту, профессор испытывал волнение.
3. Это был человек, ... Рабиду зрение.
4. Профессор, каждый раз снимающий повязку и ... зрение, становился для пациента спасителем, героем, близким человеком.
5. ... зрение давало шанс на нормальную жизнь.

Материал для ответов: возвращая, возвративший, возвращённый, возвращающий, возвратив.

Задание 6. Скажите то же самое по-другому.

1. До операции Рабид и Дэзи долго и много беседовали.
2. Он был стройным, молодым, смелым, шутливым, высоким и черноволосым.
3. Рабиду приходилось отвечать на вопросы о своём самочувствии.

Задание 7. Трансформируйте предложения, используя слово **который**.

1. Рабид слышал голос подходившей к нему Дэзи.
2. Рабид представлял себе Дэзи нежным и стройным существом, нарисованным звуком её голоса.
3. Это была девушка, служившая в клинике.

Задание 8. Скажите, от каких глаголов образованы следующие формы императива.

Будьте (спокойны), верните (зрение), откройте (глаза), уберите (материю).

Задание 9. Ответьте на вопросы.

а)

1. Какую операцию сделали Рабиду?

2. Был ли уверен профессор, что Рабид после снятия повязки с глаз будет видеть?
 3. Кто такая Дэзи? Почему её голос произвёл большое впечатление на Рабида?
 4. Что стало целью для Рабида после знакомства с Дэзи? Почему?
 5. Какой Рабид представлял себе Дэзи?
 6. Как относилась Дэзи к Рабиду? Чего она боялась?
 7. Оправдались ли ожидания профессора после снятия повязки с глаз Рабида?
 8. Почему Дэзи не было рядом с Рабидом, когда он снова стал зрячим?
 9. Почему Рабид, когда к нему вернулось зрение, нетерпеливо ждал, когда все уйдут?
 10. Что сделала Дэзи, когда узнала, что операция прошла успешно?
 11. Почему Дэзи показалась Рабиду прекрасной?
- б)
1. Почему рассказ называется «Голос и глаз»?
 2. Что вы узнали о Рабиде?
 3. Какой характер был у Дэзи?

Задание 10. Перескажите текст: а) от лица Дэзи; б) от лица Рабида.

Задание 11. Напишите, какое впечатление произвёл на вас рассказ «Голос и глаз».

СНЕГ

Константин Георгиевич Паустовский (1892-1968)



Писатель-реалист и вместе с тем романтик, тонкий лирик и психолог, певец русской природы. О своём творчестве сам Паустовский писал так:

«Мне кажется, что одной из характерных черт моей прозы является её романтическая настроенность. Каждая книга – это собрание людей разных возрастов, национальностей, занятий, характеров и поступков... Меня всегда интересовала жизнь замечательных людей. Но больше всего я люблю писать о людях простых и безвестных...»

Тонким лирическим настроением проникнуты рассказы писателя военных лет: «Снег», «Белая радуга» и др. Война властно вмешалась в жизнь людей, всё изменила, многое разрушила, принесла горе, но не обеднила духовный мир человека.

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Незнакомые запишите.

Роща – небольшой лиственный лес.

Бор – хвойный лес.

Галка – небольшая птица с серо-чёрными перьями.

Налёт – авиационная бомбардировка.

Нянька – женщина, которая помогает матери растить ребёнка.

Расстроенный рояль – рояль с неправильным звучанием.

Броненосец – крупный военный корабль.

Крейсер – быстроходный военный корабль.

Запорошить стёкла – покрыть стёкла снежной пылью.

Обрыв – крутой спуск к реке.

Настройщик – человек, который приводит в порядок музыкальные инструменты.

Растравлять себе сердце – вызывать боль в сердце тяжелыми впечатлениями или воспоминаниями.

Сумерки – полутьма утром и вечером.

Платан – дерево с широкими листьями.

Ветхий – очень старый.

Эвакуированный – человек, которого вывезли в безопасное место во время войны.

Наследство – то, что человек оставляет после смерти (дом, деньги и т.д.).

Выцветший – потерявший цвет.

Наискось – не прямо, криво.

Перевести дыхание – отдышаться.

Разуверять (кого?) – заставлять изменить мнение, разубеждать.

Задание 2. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

СНЕГ



Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старой нянькой.

Маленький дом – всего в три комнаты – стоял на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка.

За домом, за облетевшим садом белела берёзовая роща. В ней с утра до сумерек кричали галки.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к пустынному городку, к его домишкам, скрипучим калиткам, к глухим вечерам, когда было слышно, как потрескивает в керосиновой лампе огонь.

«Какая я дура! – думала Татьяна Петровна. – Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино – там не было никаких налётов, а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!»

Но возвращаться в Москву было уже нельзя. Татьяна Петровна решила выступать в госпиталях – их было несколько в городке – и успокоилась. Городок начал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом. Дни стояли мягкие, серые. Река долго не замерзала; от её зелёной воды поднимался пар.

Татьяна Петровна привыкла и к городку, и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим неуклюжие броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком. На его письменном столе с выцветшим зелёным сукном стояла модель крейсера «Громобой», на котором он плавал. Варе не позволяли трогать эту модель. И вообще не позволяли ничего трогать.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын-моряк, что он сейчас в Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала её, рассматривала и, нахмутив тонкие брови, задумывалась. Ей всё казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, ещё до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Моряк смотрел на неё спокойными, чуть насмешливыми глазами, будто спрашивал: «Ну что ж? Неужели вы так и не припомните, где мы встречались?»

– Нет, не помню, – тихо отвечала Татьяна Петровна.

– Мама, с кем ты разговариваешь? – кричала из соседней комнаты Варя.

– С роялем, – смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходить письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна складывала их на письменном столе. Однажды ночью она проснулась. Снега тускло светили в окна. На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова.

Татьяна Петровна накинула халат, пошла в кабинет Потапова, постояла у окна. С дерева беззвучно сорвалась птица, стряхнула снег. Он долго сыпал белой пылью, запорошил стёкла.

Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня – он даже не вздрагивал. Потом она осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать.

«Милый мой старик, – читала Татьяна Петровна, – вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжёлая. И вообще она заживает. Ради бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!»

«Я часто вспоминаю тебя, папа, – читала дальше Татьяна Петровна, – и наш дом, и наш городок. Всё это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я отворяю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена. В комнатах трещат печи. Пахнет берёзовым дымом. Рояль наконец настроен, и ты вставил в подсвечники витые жёлтые свечи – те, что я привёз

из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к «Пиковой даме» и романс «Для берегов отчизны дальней». Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я всё это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил всё это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьёзно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот маленький и самый милый для меня уголок и тебя, и наш сад, и наших мальчишек, и берёзовые рощи за рекой, и даже кота Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой.

Может быть, когда выпишусь из госпиталя, меня отпустят ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди».

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела широко открытыми глазами за окно, где в густой синеве начинался рассвет, думала, что вот со дня на день может приехать с фронта в этот дом незнакомый человек и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть всё совсем не таким, каким он хотел бы увидеть.

Утром Татьяна Петровна сказала Варе, чтобы она взяла деревянную лопату и расчистила дорожку к беседке над обрывом. Сама Татьяна Петровна исправила колокольчик над дверью. На нём была смешная надпись: «Я вишу у дверей – звони веселей!»

Днём Татьяна Петровна, румяная, шумная, с потемневшими от волнения глазами, привела из города старого настройщика, обрусевшего чеха. Чех, настроив рояль, сказал, что рояль старый, но очень хороший. Татьяна Петровна и без него это знала.

Когда он ушёл, Татьяна Петровна осторожно заглянула во все ящики письменного стола и нашла пачку витых толстых свечей. Она вставила их в подсвечники на рояле. Вечером она зажгла свечи, села к роялю и дом наполнился звоном.

Когда Татьяна Петровна перестала играть и погасила свечи, в комнатах запахло сладким дымом, как бывает на ёлке.

Варя не выдержала.

– Зачем ты трогаешь чужие вещи? – сказала она Татьяне Петровне. – Мне не позволяешь, а сама трогаешь! И колокольчик, и свечи, и рояль – всё трогаешь. И чужие ноты на рояль положила.

– Потому что я взрослая, – ответила Татьяна Петровна.

Варя, насупившись, недоверчиво взглянула на неё. Сейчас Татьяна Петровна меньше всего походила на взрослую. Она вся как будто светилась и была больше похожа на ту девушку с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфлю во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Варе.

Ещё в поезде лейтенант Николай Потапов высчитал, что у отца ему придётся пробыть не больше суток. Отпуск был очень короткий, и дорога отнимала всё время.

Поезд пришёл в городок днём. Тут же, на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад и что в их доме поселилась с дочерью молодая певица из Москвы.

– Эвакуированная, – сказал начальник станции.

Потапов молчал, смотрел за окно. Голова у него кружилась.

– Да, – сказал начальник станции, – хорошей души был человек. Так и не довелось ему повидать сына.

– Когда обратный поезд? – спросил Потапов.

– Ночью, в пять часов, – ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: – Вы у меня побудьте. Старуха моя вас напоит чайком, накормит. Домой вам идти незачем.

– Спасибо, – ответил Потапов и вышел.

Начальник посмотрел ему вслед, покачал головой.

Потапов прошёл через город, к реке. Над ней висело сизое небо. Между небом и землёй наискось летел редкий снежок. Темнело. Ветер дул с того берега, из лесов, выдувал слёзы.

«Ну что ж! – сказал Потапов. – Опоздал. И теперь это всё для меня чужое: и городок этот, и река, и дом».

Он оглянулся, посмотрел на обрыв за городом. Там стоял в инее сад, темнел дом. Из трубы его поднимался дым. Ветер уносил дым в берёзовую рощу.

Потапов медленно пошёл в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, может быть, заглянуть в сад, постоять в старой беседке. Мысль о том, что в отцовском доме живут чужие, равнодушные люди, была невыносима. Лучше ничего не видеть, не растравлять себе сердце, уехать и забыть о прошлом!

«Ну что ж, – подумал Потапов, – с каждым днём делаешься взрослее, всё строже смотришь вокруг».

Потапов подошёл к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку, но всё же она скрипнула. Сад как бы вздрогнул. С веток сорвался снег, зашуршал. Потапов оглянулся. К беседке вела расчищенная в снегу дорожка. Потапов прошёл в беседку, положил руки на старенькие перила. Вдали за лесом мутно розовело небо – должно быть, за облаками поднималась луна. Потапов снял фуражку, провёл рукой по волосам. Было очень тихо.

Потапов облокотился о перила, тихо сказал:

– Как же это так?

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он оглянулся. Позади него стояла молодая женщина с бледным строгим лицом, в накинутом на голову тёплом платке. Она молча смотрела на Потапова тёмными внимательными глазами. На её ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток.

– Наденьте фуражку, – тихо сказала женщина, – вы простудитесь. И пойдёте в дом. Не надо здесь стоять.

Потапов молчал. Женщина взяла его за рукав и повела по расчищенной дорожке. Около крыльца Потапов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог вдохнуть. Женщина так же тихо сказала:

– Это ничего. И вы, пожалуйста, меня не стесняйтесь. Сейчас это пройдёт.

Потапов глубоко вздохнул, перевёл дыхание.

Он вошёл в дом, почувствовал слабый запах берёзового дыма и увидел кота Архипа. Архип сидел на диване и зевал. Около дивана стояла девочка с косичками и радостными глазами смотрела на Потапова, но не на его лицо, а на золотые нашивки на рукаве.

– Пойдёмте! – сказала Татьяна Петровна и повела Потапова в кухню.

Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое полотенце с вышитыми дубовыми листьями.

Татьяна Петровна вышла. Девочка принесла Потапову мыло и смотрела, как он мылся. Смущение Потапова ещё не прошло.

– Кто же твоя мама? – спросил он девочку и покраснел.

Вопрос этот он задал, лишь бы что-нибудь спросить.

– Она думает, что она взрослая, – таинственно прошептала девочка. – А она совсем не взрослая. Она хуже девочка, чем я.

– Почему? – спросил Потапов.

Но девочка не ответила, засмеялась и выбежала из кухни.

Потапов весь вечер не мог избавиться от странного ощущения, будто он живёт в лёгком, но очень приятном сне. Всё в доме было таким, каким он хотел его видеть. Те же ноты лежали на рояле, те же витые свечи горели и освещали маленький отцовский кабинет. Даже на столе лежали его письма из госпиталя – лежали под тем же старым компасом, под который отец всегда клал письма.

После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца, за рощу. Туманная луна поднялась высоко. В её свете слабо светились берёзы, бросали на снег лёгкие тени.

А потом, поздним вечером, Татьяна Петровна, сидя у рояля и осторожно перебирая клавиши, обернулась к Потапову и сказала:

– Мне всё кажется, что где-то я уже видела вас.

– Да, пожалуй, – ответил Потапов.

Он посмотрел на неё. Свет свечей падал сбоку, освещая половину её лица. Потапов встал, прошёл по комнате из угла в угол, остановился.

– Нет, не могу припомнить, – сказал он глухим голосом.

Татьяна Петровна обернулась, испуганно посмотрела на Потапова, но ничего не ответила.

Потапову постелили в кабинете на диване, но он не мог уснуть. Каждая минута в этом доме казалась ему драгоценной, и он не хотел терять её.

Он лежал, прислушивался к воровским шагам Архипа, к дребезжанию часов, к шёпоту Татьяны Петровны – она о чём-то говорила с нянькой за закрытой дверью. Потом голоса затихли, нянька ушла, но полоска света под дверью не погасла. Потапов слышал, как шелестят страницы, – Татьяна Петровна, должно быть, читала. Потапов догадывался, что она не ложится, чтобы разбудить его к поезду. Ему хотелось сказать ей, что он тоже не спит, но он не решился окликнуть Татьяну Петровну.

В четыре часа Татьяна Петровна тихо открыла дверь и позвала Потапова. Он зашевелился.

– Пора, вам надо вставать, – сказала она. – Очень жалко мне вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ночной город. После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки, сказала:

– Пишите. Мы теперь, как родственники. Правда?

Потапов ничего не ответил, только кивнул головой.

Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

«Я вспомнил, конечно, где мы встречались, – писал Потапов, – но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году? Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Я шёл по тропе. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было, должно быть, лет шестнадцать. Она увидела меня, встала и пошла навстречу. Когда мы поравнялись, я взглянул на неё. Она прошла мимо меня быстро, легко, держа в руке раскрытую книгу. Я остановился, долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед и почувствовал тогда, что мимо меня

прошла женщина, которая могла бы и разрушить всю мою жизнь, и дать мне огромное счастье. Я понял, что могу полюбить эту женщину до полного отречения от себя. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Так я думал тогда, но всё же не двинулся с места. Почему – не знаю. С тех пор я полюбил Крым и эту тропу, где я видел вас только мгновение и потерял навсегда. Но жизнь оказалась милостивой ко мне, я встретил вас. И если всё окончится хорошо и вам понадобится моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашёл на столе у отца своё распечатанное письмо. Я понял всё и могу только благодарить вас издали».

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном, сказала:

– Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение? И стоит ли разуберять его? И себя?

Она засмеялась, закрыла глаза ладонью. За окном горел, никак не мог погаснуть неяркий закат.

Задание 3. Подберите синонимы к следующим словам:

исправить (колокольчик), позволять, припомнить, отворить, напоить, окликнуть.

Задание 4. Трансформируйте предложения, используя слово **который**.

1. Среди зимы начали приходить письма Потапову, написанные одной и той же рукой.
2. На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова.
3. Я нашёл на столе у отца своё распечатанное письмо.
4. За облетевшим садом белела берёзовая роща.

5. Татьяна Петровна привыкла к пожелтевшим фотографиям на стенах.

Задание 5. Объясните состояние (настроение) героев по их словам и действиям.

1. Какая я дура! – думала Татьяна Петровна. – Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино – там не было никаких налётов, а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!»
2. «Милый мой старик, – читала Татьяна Петровна, – вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Ради бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!»
3. Когда он ушёл, Татьяна Петровна осторожно заглянула во все ящики письменного стола и нашла пачку витых толстых свечей. Она вставила их в подсвечники на рояле. Вечером она зажгла свечи, села к роялю и дом наполнился звоном.

Задание 6. Опишите маленький городок, дом, где поселилась Татьяна Петровна.

Задание 7. Расскажите, что вы узнали о Татьяне Петровне, её семье, её жизненной судьбе. Как война изменила её жизнь? Чем городок, жизнь в нём отличались от привычной жизни Татьяны Петровны? Когда Татьяна Петровна почувствовала любовь к маленькому городку?

Задание 8. Расскажите, что вы узнали о лейтенанте Потапове. Какие воспоминания на фронте были для него самыми дорогими? Когда чаще всего вспоминается

Потапову родной городок, дом, сад? В чём видна его романтическая настроенность?

Задание 9. *Ответьте на вопросы.*

1. Как можно объяснить постоянную мысль героев рассказа, что они где-то уже видели друг друга? Было ли это в реальной жизни?
2. Как вы понимаете слова Татьяны Петровны: «Я никогда не была в Крыму. Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение?»?
3. Как может дальше сложиться судьба героев рассказа?
4. О чём этот рассказ? Что вам больше запомнилось?
5. Подтверждает ли рассказ «Снег» высказанную Паустовским мысль, что романтика может «украсить и облагородить внутренний мир человека»?

Задание 10. *Проследите, в каких местах на протяжении рассказа упоминается снег. Что создаёт многократная повторяемость темы снега в рассказе? Какое из следующих (прямых и поэтических) значений слова «снег» применимо к содержанию рассказа?*

Снег – один из видов атмосферных осадков.

Снег – символ холода, стужи, безжизненности.

Снег – символ русской природы, её своеобразия и красоты.

Снег – символ чистоты чувств и мыслей человека.

Снег – символ тишины, спокойствия.

Снег – обещание какой-то перемены, ожидание чего-то нового, светлого.

Задание 11. *Напишите, почему рассказ называется «Снег».*

БЕЛАЯ РАДУГА

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Незнакомые запишите.

Радуга – семицветный полукруг на небе, образующийся после дождя.

Белая радуга образуется в результате преломления лунного света в каплях дождя (редко наблюдаемое явление).

Хребет – горная цепь, линия гор.

Перевал – наиболее удобное место для перехода в горном хребте.

Коптилка – примитивная лампа, осветительный прибор.

Вяз – вид дерева.

Непроглядная (ночь) – очень тёмная.

Бесприютность – одиночество при отсутствии у человека родного дома.

Напоследок – под конец, в конце.

Бормотать – говорить тихо, непонятно.

Гулкий – громкий, далеко слышный.

Нахмуриться (хмурый) – выразить недовольство, озабоченность.

Чудак – странный человек.

Опрокидывать (что?) – переворачивать.

Лавина – большая снежная масса, падающая с гор вниз.

Арык – канал для воды (в Средней Азии, на Кавказе).

Угрюмый – мрачный, хмурый.

Вихрь – очень сильное круговое движение ветра (зимой – со снегом).

Задание 2. Прочитайте следующие предложения. Объясните, как вы понимаете значение выделенных глаголов.

1) Петров дышал и никак не мог **надышаться**. 2) Не знаю, дадут ли мне **договорить**. 3) После телеграммы все пошло как вихрь из снега, что не даёт **отдышаться**. 4) Она прислонилась к стене и так стояла, **прислушиваясь**.

Задание 3. Из следующих предложений выпишите причастия, указывая в скобках глаголы, от которых они образованы.

Образец: И не было рядом ни тёплой руки, ни смеющихся глаз, ни низкого голоса. **Смеющийся** (смеяться).

1. Ночью над облетевшими тополями поднималась луна.
2. Он не оставлял здесь ничего, кроме ощущения своей остановившейся жизни.
3. Город становился воспоминанием – неясным и неправдоподобным, затерянным среди течения жизни.
4. Она нашла брошенную папиросу и жадно закурила.
5. На дальней скамье сидел офицер, худой, с измученным лицом.
6. Елена Петровна посмотрела на встревоженное лицо Петрова.
7. Ночной вокзал, холод вздрогнувших милых губ, её голос, ночная дорога в санаторий.
8. И слова Елены Петровны, сказанные тихо, почти с отчаянием: «Это надолго, надолго ... Может быть, навсегда».
9. И голубые зарева звёзд, медленно поднимавшихся над горами своей вечной и ослепительной чередой.

Задание 4. Понимаете ли вы смысл выделенных слов?

1. Петров подумал, что на такой голос можно идти, как на далёкий **зов**, – через пустыни, непроглядные ночи, ледяные перевалы, – идти, сбивая в кровь ноги, а когда не хватит сил, то упасть и ползти.

2. Петров жил за городом, в санатории, среди высокогорной великолепной **стужи**, где, казалось, звёзды и ночь замёрзли и покрылись колким льдом.

Задание 5. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

БЕЛАЯ РАДУГА

Художника Петрова призвали в армию на второй год войны в большом среднеазиатском городе. В этот город Петров был эвакуирован из Москвы.

Была ранняя зима. Снег уже засыпал вершины гор. В холодных домах по вечерам было тихо и темно. Свет в городе выключали очень рано.

Ночью над облетевшими тополями поднималась луна, и тогда город казался зловещим от её пронзительного света.

Никто не провожал Петрова. Он не оставлял здесь ни друзей, ни воспоминаний – ничего, кроме ощущения своей остановившейся жизни. Петрову было немногим более тридцати лет, но от бесприютности он чувствовал себя стариком.

Петров влез в вагон, втиснулся в угол, закурил. На площадке незнакомый боец прощался с молодой женщиной. Прислушиваясь к словам женщины, Петров почувствовал непонятное облегчение от того, что она говорила бойцу «вы».

Это был голос низкий, чистый, открытый. Петров подумал, что на такой голос можно идти, как на далёкий зов, – через пустыни, непроглядные ночи, ледяные перевалы, – идти, сбивая в кровь ноги, а когда не хватит сил, то упасть и ползти. Лишь бы увидеть, схватиться за косяк двери, сказать: «Вот ... я пришёл ... Не прогоняйте меня». Есть голоса, как обещание счастья.

Когда поезд тронулся, Петров выглянул за окно. На платформе в светлой полосе фонаря он увидел молодую женщину. Бледное лицо, улыбка, поднятая рука – и всё. На окна тотчас надвинулась ночь.

«Если задержитесь в Москве, – сказала напоследок женщина бойцу, – то позвоните Маше». И назвала номер телефона. Петров долго повторял про себя этот номер, потом, не доверяя памяти, записал его на воинском билете.

В дороге Петров часто смотрел в окно. Среднеазиатский город всё отдалялся, к нему уже не было возврата. Он становился воспоминанием, неясным и неправдоподобным, затерянным среди течения жизни, как теряется один прожитый день среди трёхсот шестидесяти пяти дней длинного года.

Зима, весна и дождливое лето прошли в боях. Под Витебском Петров был ранен в голову.

Три месяца он пролежал в лазарете. Из лазарета его решили послать в один из санаториев, чтобы он окреп после тяжёлой раны. Петров попросил отправить его в среднеазиатский город, откуда его взяли в армию. Около этого города был небольшой горный санаторий.

– Голубчик, – сказал старший врач, – опомнитесь! У вас месяц времени. Одна дорога туда и обратно отнимет десять дней.

– Бывает, что один день дороже года, – возразил Петров.

– Ну, если так ... Если у вас есть особые причины туда стремиться, – пробормотал врач, – тогда я соглашаюсь.

Ехать надо было через Москву. Поезд приходил в Москву в полночь, а из Москвы в среднеазиатский город уходил рано утром. В Москве предстояла томительная ночь на вокзале.

Петров начал волноваться ещё задолго до Москвы, когда поезд мчался по смоленской земле.

Елена Петровна погасила свет, подошла к окну, отодвинула занавес.

– Ну вот, – сказала Елена Петровна и прижала пальцы к бровям, так она делала, когда задумывалась. – Вот опять Москва после Средней Азии. Знакомая работа, подруги – всё, как было раньше. Чего же ты хочешь?

– Если бы знать, что это за таинственное счастье? В чём оно? Трудно быть всё время одной и видеть всё – хотя бы эту ночь, – и думать обо всём, и никому не улыбаться, не положить руку на плечо, не сказать: «Посмотри, какой падает снег».

На столе осторожно зазвонил телефон. Елена Петровна взяла трубку. Мужской голос попросил позвать Машу.

– Маша уже здесь не живёт, – ответила Елена Петровна. – А кто просит?

– Дело в том, – сказал, подумав, мужской голос, – что она меня не знает. Мне бесполезно называть своё имя.

– А что же всё-таки ей передать? Вы не от её брата? Он тоже на фронте.

– Нет, я не знаю её брата, – ответил голос и замолк.

– Ну что же? Я жду, – сказала Елена Петровна. – Может быть, положить трубку?

– Нет, погодите! – сказал умоляюще голос. – Я в Москве от поезда до поезда. Звоню с Белорусского вокзала. Не знаю, дадут ли мне договорить. Тут очередь к автомату.

– Тогда говорите скорее.

Елена Петровна слушала, стоя у стола. Она нахмурилась, потом улыбнулась, протянула руку к окну.

– Я слушаю, хотя ещё ничего не понимаю. Да, да. Правда, это странно. А может быть, и хорошо... Не знаю ... Я всё это помню: и вокзал, и ночь, и ветер. Только не помню вас. Неужели по голосу? Какой же вы, однако, чужак. Когда вы уезжаете? Я не знаю, что и думать ... Конечно, обидно. Тяжело ранены? В голову? Вы устанете там, на вокзале, до полусмерти. Нельзя вам ходить ночью по Москве! Нельзя! Да, я слушаю. Говорите!

Разговор внезапно оборвался. Елена Петровна медленно положила трубку.

– Может быть, он позвонит опять, – сказала она, села в кресло около стола, нашла брошенную папиросу и жадно закурила.

Прошло четверть часа, потом полчаса, но никто не звонил. Часы пробили два.

– Нет! Это невозможно! – громко сказала Елена Петровна и вскочила. – Так я с ума сойду.

Когда Елена Петровна вышла из дома, часы пробили три. Москва спала в слабом свете фонарей и снега.



В зеленоватый вокзальный зал Елена Петровна вошла быстро, но тотчас задохнулась: ей показалось, что у неё остановилось сердце. Если бы можно было, она закрыла бы глаза, прислонилась бы к стене и так стояла бы, прислушиваясь, как далеко и тонко что-то звенит и звенит – может быть, огонь в вокзальной люстре, а может быть, кровь в её висках.

На деревянных скамьях спали сидя утомлённые люди. На дальней скамье сидел офицер, худой, с измученным лицом. На левом глазу у него была чёрная повязка.

Елена Петровна подошла к нему, сказала:

– Ну вот ...

Офицер быстро встал.

– Ну вот ... – повторила Елена Петровна и улыбнулась. – А вы совсем такой, как я думала.

Зал качнулся, поплыл вкось. Петров поддержал Елену Петровну. Усадил на скамью.

Елена Петровна посмотрела на встревоженное лицо Петрова – милое, будто совсем знакомое лицо – и спросила вполголоса:

– Вы понимаете что-нибудь?

– Нет, – ответил Петров. – Да и нужно ли понимать?

– Пожалуй, правда, не нужно, – согласилась Елена Петровна и вздохнула. – Бедный, как я вас напугала. Руки совсем ледяные.

Она взяла холодные руки Петрова и начала отогревать их между своих ладоней.

– Это надолго ... – сказала она как бы самой себе.

Петров молчал. В голосе Елены Петровны была и нежность, и тревога как тогда, в ту декабрьскую ночь на вокзале, когда ветер из пустыни нёс сухой снег.

Среднеазиатский город встретил Петрова белизной снегов и огромным солнцем в чистом по-весеннему небе. Густой снег лежал на вековых деревьях.

Петров дышал и никак не мог надышаться. От зимнего воздуха даже болела голова.

С удивлением Петров думал, что этот город год назад казался ему угрюмым и зловещим. Но теперь упрямая память открывала в прошлом такие же светлые дни, такое же чистейшее небо, тот же запах мёрзлой листвы, ту же тишину столетних садов. Раньше он не замечал этого. Почему? Может быть, потому, что был один и всегда один смотрел на всё это. И не было рядом ни тёплой руки, ни смеющихся глаз, ни низкого голоса.

Петров жил за городом, в санатории, среди высокогорной великолепной стужи, где, казалось, звёзды и ночь замёрзли и покрылись колким льдом. Он жил в непрерывном и лёгком волнении. Волнение всё нарастало, пока не превратилось в ощущение неправдоподобного и почти нестерпимого счастья, когда ему принесли телеграмму всего из трёх слов: «Буду двадцатого, встречайте».

После телеграммы всё пошло как вихрь из снега, что не даёт отдышаться, слепит, превращает мир в белую радугу.

Ночной вокзал, холод вздрогнувших милых губ, её голос, ночная дорога в санаторий среди лесов из дикой яблони. И голубые зарева звёзд, медленно поднимавшихся над горами своей вечной и ослепительной чередой. И воздух пустынь, гор, зимы, дувший им в лицо на обрыве, где они на минуту остановились, чтобы посмотреть на вершины, уходившие в неизмеримую ночь, сиявшие тусклым светом. И слова Елены Петровны, сказанные тихо, почти с отчаянием:

– Это надолго, надолго ... Может быть, навсегда.

(по К.Г. Паустовскому)

Задание 6. Ответьте на вопросы:

а)

1. Кто главные герои рассказа?
2. Где и когда происходит действие рассказа?
3. Как чувствовал себя художник Петров, уезжая на войну?
4. Около какого города был ранен Петров?
5. Как познакомились художник Петров и Елена Петровна?
6. Было ли что-нибудь необычное в истории их знакомства?
7. Как изменилось восприятие окружающего мира у героя рассказа после встречи с Еленой Петровной? Какими он видит азиатский город, природу в начале и в конце рассказа?
8. Почему рассказ заканчивается фразой «Это надолго, надолго ... Может быть, навсегда»?

б)

1. Что вы узнали о художнике Петрове?
2. Как вы можете охарактеризовать Елену Петровну?

Задание 7. Найдите в тексте и прочитайте телефонный разговор Елены Петровны с художником Петровым и на его основе составьте их диалог (с. 35).

Задание 8. Объясните смысл названия рассказа. Какие из следующих значений слов «радуга», «радужный» могут иметь отношение к содержанию рассказа?

Радуга, по народным представлениям, – обещание хорошей погоды после дождя и ненастья.

Радужные мечты, надежды – радостные, обещающие счастье мечты и надежды.

«Видеть всё в радужном свете» – смотреть на всё глазами счастливого человека, видеть во всём лучшие стороны, видеть всё ярким, прекрасным, значительным.

Задание 9. В чём, по вашему мнению, заключается главная мысль рассказа?

Задание 10. Передайте содержание рассказа от лица Петрова и Елены Петровны.

Задание 11. Какое впечатление произвёл на вас рассказ «Белая радуга»? Напишите об этом.

КНИГА

Нурмурад Сарыханов
(1906-1944)



Туркменский советский писатель. Участвовал в Великой Отечественной войне. Погиб на фронте.

Рассказ «Книга», написанный в 1938 году, повествует о любви и уважении к культуре прошлого, о том, как книга стала неразлучным спутником жизни человека.

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Незнакомые запишите.

Святыня – то, что является особенно дорогим.

Испытующе (смотреть) – проницательно, очень внимательно.

Вязь (арабская) – сплетение нескольких букв в один сложный знак.

Рукопись – текст, написанный от руки.

Кочевать – переезжать, переходить с места на место со своим жильём и имуществом.

Верблюд – крупное животное с одним или двумя жировыми горбами.

Пастух – человек, который следит за домашними животными в поле.

Подпасок – подросток, помогающий пастуху.

Перевести разговор – резко начать говорить о чём-нибудь другом.

Преобразиться – измениться внешне.

Кибитка – повозка с крышей.

Почтенный (от глагола *почитать* = *уважать*) – уважаемый.

Приплод – потомство у животных.

Внимать – внимательно слушать.

Грамотей – человек, умеющий читать и писать.

Причитать – плакать, приговаривая, жалуясь на что-нибудь.

Колдун – человек, занимающийся магией.

Чувал – мешок.

Задание 2. Прочитайте предложения и объясните значения выделенных слов.

1. Судьба забросила меня в глубь Каракумов, в скотоводческий **аул**.
2. Он не раз говорил, что такая книга должна храниться только в золотом **сундуке**...
3. Я быстро **перелистал рукопись**, кое-что успел бегло прочитать.
4. Первое, что я должен был сделать, – по возможности **скрыть** от собеседника свою радость.
5. Всё это было превосходно, но как всё-таки **завладеть** рукописью?
6. Старик ответил и опять стал **восторгаться** книгой.
7. Толстая и тяжёлая книга была переплетена в **полинявший ситец**.

Задание 3. Найдите однокоренные слова.

Цена, святой, испытывать, ценный, пьяный, скрытый, восторг, приобретение, святыня, почитать, мудрец, испытующе, опьянять, восторгаться, приобретать, почтенный, скрыть, мудрый, колдовство, причитать, внушать, причитание, внушение, колдун.

Задание 4. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

КНИГА

По заданию института литературы я собирал старые книги. Судьба забросила меня в глубь Каракумов, в скотоводческий аул.

Жители аула, как водится, поинтересовались: откуда и зачем прибыл гость? Я сообщил о цели своего приезда. Председатель колхоза, у которого я остановился, сказал мне, что у его соседа, Вельмурат-ага, есть именно такая книга, какая мне нужна.

– Это редкая вещь! – сказал председатель. – Вельмурат-ага бережёт её как зеницу ока. Он не раз говорил, что такая книга должна храниться только в золотом сундуке...

Я отправился к владельцу книги. Он оказался дома. Это был пожилой мужчина с красивой бородой, закрывающей всю грудь.

Он посмотрел на меня испытующим, зорким взглядом, взглядом степного охотника, но обошёлся довольно приветливо.

– Садись, добрый юноша, – ласково сказал он и сразу же стал задавать вопросы: – Откуда пожаловал ко мне?

Я ответил.

– А из каких мест родом? Чем занимаешься?

Коротко рассказав свою биографию, я добавил, что послан одним столичным учреждением на поиски древних книг.

– Очень хорошо, юноша! – Старик погладил огромную бороду и опять стал внимательно разглядывать меня. Потом повернулся к жене и приказал: – Подай книгу!

Старуха молча достала большую книгу, завёрнутую в расписной шёлковый платок. Она подала её мужу торжественно, как святыню. Старик ещё раз испытующе посмотрел на меня.

– Если ты правильно назвал свою специальность, – сказал он, – то сразу поймёшь, какая это вещь.

Толстая и тяжёлая книга была переплетена в полинявший ситец. Каждая страница содержала около двадцати строк ровной вишнёво-красной арабской вязи. Текст оказался разборчивый. Буквы были уложены как зерно к зерну.

Я быстро перелистал рукопись, кое-что успел бегло прочитать. Это было как раз то, из-за чего люди моей профессии не спят ночей, кочуют из аула в аул, стучатся в тысячу дверей... Можно было пройти ещё сотни аулов и не встретить такого сборника, какой я сейчас держал в руках. Первое, что я должен был сделать, – по возможности скрыть от собеседника свою радость. Скоро стало ясно, однако, что он хорошо знает цену своему сокровищу. Недаром он сказал: «Каждое слово в этой книге стоит верблюдицы с верблюжонком». Чтобы проверить старика, я начал читать вслух некоторые места из рукописи. Едва я прочитывал несколько строк, старик, подхватывая, читал дальше на память...

– Теперь ты веришь, юноша, что книга эта должна действительно храниться в золотом сундуке? – И нараспев прочёл мне стихотворение, видимо, одно из самых любимых. – Каково, а? – в возбуждении воскликнул он. – Чем больше читаешь, тем сильнее захватывает и опьяняет.

Всё это было превосходно, но как всё-таки завладеть рукописью? Было ясно, что старик не продаст её, тем более что книгу любит и его жена, и большинство жителей аула.

И я, сделав вид, что не очень заинтересован книгой, перевёл разговор на другие темы. Я спросил старика: верно ли, будто их аул собирается откочевать на Амударью, чтобы перейти там на земледелие? Старик ответил и опять стал восторгаться книгой. Он гордился тем, что владеет таким сокровищем и, конечно, не думает даже когда-нибудь расстаться с ним.

Я ушёл, решив посоветоваться с председателем колхоза относительно возможных способов приобретения книги.

– Как подойти к этому человеку? – спросил я председателя. – Старик, по-моему, не только не продаст рукопись, но даже не позволит переписать её.

– Если тебе так необходима эта книга, сам ищи способ, как достать её. Тут ничем не поможешь.

Вечером я снова наведалься к Вельмурат-ага. Он опять встретил меня ласково.

– Я уж знаю: кто увидит эту вещь, тот не скоро расстанется со мной. Не ты первый, не ты последний.

Старик подал мне книгу.

– Вельмурат-ага! – нерешительно начал я.

– Что?

– Давно у вас эта книга?

– Сорок лет.

– Сорок лет?

– Да, сынок.

– Теперь понятно, почему вы помните некоторые стихи наизусть!

– Не только некоторые, – поправил хозяин, – я помню всю книгу до единого слова. Могу, не глядя, прочитать по порядку все песни, какие есть в книге. Смысл этих песен запечатлён в моём сердце.

– Замечательно! – воскликнул я. – Значит, теперь сама рукопись вам не так уж нужна?

Старик вскинул на меня быстрый и острый взгляд.

Я смутился и, стараясь дышать спокойно, сказал:

– Просите что хотите, но продайте мне эту книгу!

Старик мгновенно преобразился: глаза у него странно расширились, лицо стало напряжённым и бледным. Жена его вздрогнула.

Быстро вырвав из моих рук книгу, старик подал её жене.

– Немедленно убери на место! – строго сказал он. И, опять подняв на меня глаза, тихо заговорил: – Добрый юноша, разве мы с женой не говорили тебе, что книга эта не выйдет из наших рук? Ещё раз, как гостю, от души скажу: не проси книгу. Если бы я даже и согласился отдать её тебе, всё равно жена бы не отдала. А если бы и отдала жена, аул не отдал бы ни за какие блага. Даже во время голода нам ни на минуту не приходило в голову продать книгу. Кроме того, ты ведь не знаешь, как она досталась нам.

Помолчав несколько минут, старик тихо, как бы про себя, заговорил снова:

– Может быть, рассказать тебе, как я приобрёл книгу? До сих пор я никому не говорил об этом. Кроме меня и моей жены, почти никто не знает эту историю.

– Расскажите, пожалуйста, Вельмурат-ага! – горячо воскликнул я, не скрывая своего интереса.

Вельмурат-ага поднял глаза и решительно сказал:

– Слушай, юноша!.. Мне шестьдесят пять лет. Нынешней осенью исполнилось сорок лет, как я владею этой книгой. Я был тогда пастухом и, конечно, понятия не имел о том, что такое книги, только слышал о них. А дело было так. Обзавёлся я семьёй, кибиткой, потом купил

верблюдицу. Поскольку стал я в ряд с людьми, решил запасти зерна на зиму и собрался с этой целью ехать в Аркач. Нагрузил шерсти, угля и поехал. Знакомых в Аркаче не было, и я остановился у человека, который купил у меня шерсть и уголь. Это был богатый человек. Я остановился у него ночевать. К вечеру в дом стал собираться народ: старые и молодые мужчины из того аула. Я сразу отличил среди всех прочих одного человека – люди, обращаясь к нему, говорили «господин мулла».

Вот кто-то из гостей и попросил его: «Почтенный мулла. Сделайте милость, почитайте нам».

Люди подали ему эту книгу. Мулла упрямился. «Ах, неразумные! – ворчал он. – Книга эта написана безумцем, поправшим святую веру. Он через свою книгу проповедует злобу и порок. Я лучше прочту вам другое». И он вытащил из-под халата свою рукопись.

Но люди оказались упрямее муллы. Кто-то посулил ему подарок, и он уступил. Он читал до полуночи, потом до утра. А я слушал и слушал... Меня изумляла книга, я был вне себя, я долго не мог понять, что со мной происходит. Сидит человек, смотрит на бумагу и как бы рассказывает о своей жизни, а когда я напрягаю внимание и слух, получается, что он рассказывает обо мне самом. А какие душевные и понятные слова! Раньше я и не подозревал, что книга имеет такую разительную силу, что она может так мудро говорить о жизни и заставлять как-то по-новому понимать и переживать её. И я подумал – вот как ты сегодня: наверно, нет на свете таких денег, чтобы купить эту вещь, подобные вещи, должно быть, вовсе не продаются. Душа моя загорелась, и я твёрдо решил: если у книги есть цена и если она будет мне под силу, то я обязательно куплю её.

Утром, как только увидел хозяина, сразу спросил его: «Какова цена той книги, которую читал мулла?»

Он почему-то посмеялся и ответил: «Цены определённой нет. Книга – не женский платок и не мешок с углями. Её нельзя так легко оценить». – «А всё-таки сколько? Назовите цену!»

Хозяин опять засмеялся и, переглянувшись с гостем, бывшим в комнате, сказал: «Цена книги – верблюд, притом хороший верблюд».

Может быть, он шутил, но я поверил и обрадовался. Не колеблясь, я решил отдать свою верблюдицу, на которой приехал в Аркач.

«Моя верблюдица – прекрасная матка. Берите её, а мне отдайте книгу». – «Что ж, оставляй матку, забирай книгу и отправляйся с богом», – сказал мне хозяин.

И вот взглянул я в последний раз на свою верблюдицу, спрятал под халат книгу и зашагал домой. Три дня шёл, устал. Прихожу, встречает меня жена, с криком бросается ко мне: «Где наша верблюдица? Что ты сделал с нею?» – «Постой, – говорю ей, – не шуми. Ты должна радоваться, а не плакать. Наша породистая верблюдица дала добрый приплод. – И я вытащил из-за пазухи книгу. – Вот, говорю, здесь каждое слово стоит дороже верблюдицы».

Жена долго стояла, не понимая, радоваться ей или плакать. Чувствую, верблюдица не выходит у неё из головы, ведь эта верблюдица была опорой и надеждой нашего бедного хозяйства.

Я тут же рассказал жене о том, как мулла читал нам эту книгу, как люди внимали ему и как сам я не мог усидеть на месте. Я припомнил отдельные мысли, которые навсегда врезались в мою память. Вижу, у жены на глазах показались слёзы.

И тут вдруг я пожалел, что купил эту книгу. Но что ж было делать? Посоветовали мне сходить к человеку, которого у нас считали мудрецом. Я признался ему, что у меня есть книга, и попросил указать грамотея, который мог бы прочитать её.

Глядя на меня, он улыбнулся, пожал плечами и с состраданием сказал: «Ай, и неразумный же ты парень! Даже если бы даром тебе отдали книгу – какая тебе от неё польза? Кто тебе будет читать её?»

Я побывал в других аулах, но грамотного человека нигде найти не мог. И я начал сдаваться... Как-то, вернувшись домой, взял я своё сокровище, положил его на самое дно чувала. «Пусть глаза мои не видят тебя, говорю, пусть сердце отдохнёт от досады». Так она лежала год, два года, семь лет. А жена все семь лет причитала: «А какая породистая была верблюдица! Жили бы мы богато, душа бы не болела у нас!...» А потом вдруг приставать начала: «Как бы нам книгу нашу послушать?»

Однажды сидим мы с ней за чаем, а она и говорит: «Только муллы да ишаны грамотные, только они книги читать умеют. Не отдать ли нам сыночка Муратджана к такому разумному человеку? Возле него он научится и будет нам книгу читать. Вот, например, Акчи-ишан, он, говорят, большой учёности человек... Отдадим ему сына. Лет за пять он, глядишь, научится грамоте».

Меня обрадовали слова жены. Я был готов на всё, лишь бы прочитать книгу. Так мы и решили. Взял я мальчишку, – ему тогда лет восемь было, – и повёл к Акчи-ишану.

«Из дальних мест к вам с просьбой, – сказал я Акчи-ишану. – Не возьмётесь ли обучать моего сына грамоте?»

Ишан обнадёжил меня.

«Похвально ты поступил, говорит, что сына привёл. Увидишь, что выйдет из твоего сына, если я возьмусь за него. Приходи через четыре года, и ты его не узнаешь».

Поверил я и полетел домой на крыльях радости. Являюсь к жене: «Четыре года потерпим – и увидишь, что будет. Тогда сама скажешь, ошибся ли я с покупкой».

Прошло три с лишним года. Наверное, думаю про себя, Муратджан кое-чему уже научился. Отправляюсь снова к ишану. И что же я увидел там?

Сын целый день работает – и не только грамоте не научился, но от непосильных трудов чуть природного ума не лишился. Он со слезами просит и молит: «Не оставляй меня здесь, отец, заberi скорее. Измучил меня ишан работой. Если не возьмёшь с собой, отец, убегу, а здесь не останусь!»

Озадачил меня сын. Я совсем расстроился, решил проверить его слова. Заглянул к одному из соседей Акчи-ишана. Так, мол, и так, объясняю ему: «Как вы полагаете: научит ишан моего сына грамоте или не научит?» Оказалось, что насчёт грамоты Муратджан был целиком прав: ишан не умел ни читать, ни писать. Предок Акчи-ишана был колдуном. Акчи-ишан тоже если подует на соль и совершит наговор, то у бездетных рождаются дети, а больные исцеляются от болезни.

– Услышав всё это, – продолжал Вельмурат-ага, – я не стал раздумывать: мне не требовалось, чтобы Муратджан научился дуть на соль. Взял я его от ишана и отдал в подпаски.

Так проходил месяц за месяцем, год за годом. А книга всё лежала в чувале.

– Но вот наступил светлый день, – продолжал Вельмурат-ага, – в аулы и кочевья пришла Советская власть. Явились учителя, принесли с собой книги.

В нашем ауле тоже появился учитель, начал собирать детей и взрослых, которые хотели научиться читать. Я с первого дня привязался к нему, рассказал про книгу. Он велел принести её, подержал день-другой и возвратил мне.

«Не прогадал, говорит, ты, Вельмурат-ага: это одна из самых ценнейших туркменских рукописей. Пошли сына в школу ко мне, он научится грамоте».

И я отправился в степь, где Муратджан ходил подпаском, объяснил ему, что снова хочу отдать его учиться. «Когда, говорю, научишься, прочитаешь нам с матерью драгоценную книгу, которую мы столько лет бережём». Муратджан выслушал меня, но идти домой отказался. «Не пойду, – говорит, – учиться, я муллу с ишаном даже видеть не хочу». Я ему объяснил, что учитель – не мулла, что его новая власть послала в аул, чтобы обучать народ. Уговорил я Муратджана, и сын наш, помогая матери по дому, незаметно научился читать и писать.

Когда он постиг грамоту, я достал со дна чувала книгу, и сын прочитал её от начала до конца. И тут я понял, что книги не на небесах создаются и что по смыслу они доступны и для нашего ума. В книге оказались даже такие песни, какие мы, пастухи, иной раз сами пели в степи. А большая часть её стихов говорила о добре и зле, о правде, об отваге и мужестве, с которыми люди защищают своё счастье. Оказалось, что, слушая когда-то муллу, я не понимал даже сотой доли смысла этой книги. А когда её прочитал у родного очага наш сын, она раскрылась предо мною во всей своей красоте. После этого и жене моей, и всему аулу стало ясно, что Вельмурат-ага не проиграл, выменяв эту книгу на верблюдицу.

– Теперь ты видишь, добрый юноша, – сказал, заканчивая, Вельмурат-ага, – сколько пришлось вытерпеть нам из-за этой книги! Кто же, узнав обо всех переживаниях нашей семьи, осмелится попросить у меня сокровище? Вот она, книга, – читай в своё удовольствие, но мысль о том, чтобы меня разлучить с ней, оставь навсегда.

Было далеко за полночь, когда мой собеседник закончил рассказ. Дальнейшие уговоры были совершенно бесполезны. Никакими уговорами нельзя было подействовать на него, если с этой книгой была связана вся его жизнь.

И всё-таки, выбрав удобный момент, я опять сказал:

– Вельмурат-ага!

– Слушаю тебя, юноша.

– Не исполните ли вы одной моей просьбы?

– Какие будут просьбы, юноша?

– Продайте мне ...

Он засмеялся и стал гладить бороду обеими руками. На этот раз он даже не рассердился, так как не принял всерьёз мои слова.

– Нет, не продам, дорогой гость. На свете есть вещи, которые не продаются ни за какую цену.

– Но вам её продали...

– И проиграли!

И он опять засмеялся.

Мне хотелось внушить старику мысль, что я не могу уйти от него с пустыми руками. Мы говорили серьёзно и долго, и он наконец сжалился надо мной.

– Добрый юноша и гость мой! – сказал он. – Если ты так полюбил мою книгу, сядь здесь и перепиши её.

Две недели провёл я у очага Вельмурат-ага, переписывая драгоценную рукопись. Он и сам почти всё

время находился со мною. Иногда диктовал по памяти или просто наблюдал за моей работой. «Читать малость научился, а писать, видно, так и не придётся самому», – часто приговаривал он, пока я писал. Мы стали друзьями.

Стихотворения, хранившиеся сорок лет у Вельмурат-ага, принадлежат перу знаменитого поэта, родоначальника туркменской классической литературы – **Махтумкули**.



Задание 5. Обратите внимание на выделенные слова. Придумайте подобные примеры.

1. Я был тогда пастухом и, **конечно**, понятия не имел о том, что такое книги, только слышал о них.
2. Вот, **например**, Акчи-ишан, он, говорят, большой учёности человек... Отдадим ему сына. Лет за пять он, **глядишь**, научится грамоте.
3. **Наверное**, Муратджан кое-чему уже научился.
4. «Читать малость научился, а писать, **видно**, так и не придётся самому», – часто приговаривал он, пока я писал.

Задание 6. Ответьте на вопросы.

а)

1. Где и когда происходит действие рассказа?
2. Кто приехал в аул и зачем?
3. Что вы узнали о жизни Вельмурат-ага и его семьи?
4. Какую роль в судьбе этой семьи сыграла книга Махтумкули?

5. Почему Вельмурат-ага не мог расстаться с этой книгой?
6. Что вы узнали о жизни туркмен до прихода Советской власти?
7. Как изменилась их жизнь после прихода Советской власти?
8. Почему Вельмурат-ага не продал свою книгу?

б)

1. Почему писатель выбрал для рассказа такое название?
2. В чём заключается главная идея рассказа?

Задание 7. *Передайте содержание рассказа от лица Вельмурат-ага.*

Задание 8. *Охарактеризуйте главных героев рассказа.*

Задание 9. *Прочитайте следующие пословицы. Скажите, как вы их понимаете.*

Учение – свет, а неученье – тьма.

Век живи, век учись.

Учиться – всегда пригодится.

Задание 10. *Письменно ответьте на вопрос, почему автор назвал рассказ «Книга».*

Задание 11. *Прочитайте отрывок из стихотворения Махтумкули «Время». Как вы думаете, почему мулла назвал поэта «безумцем, поправшим святую веру» и почему его стихи были близки и дороги простым людям?*

Время (Отрывок)

Я, плача, кличу друзей;
Не время пришло, а бред;
Рабы мы злобных людей,
Молитва их – звон монет.
Ах, сколько бедных детей,
И каждый нищ и раздет.
И хочется, чтобы скорей
Прервалось течение лет!
Эпохе зваться моей
Безбожной эпохой бед!

ВРАГИ

Антон Павлович Чехов (1860 – 1904)



А.П. Чехов получил медицинское образование. Он окончил Московский медицинский институт, потом был практикующим врачом, часто работал там, где было трудно. Например, во время эпидемии холеры в 1891 году. Тогда А.П. Чехов на общественных началах возглавил огромный врачебный участок и участвовал в ликвидации эпидемии (это 25 деревень и 4 фабрики). Также на свои средства построил три школы,

заботился об улучшении дорог и санитарного состояния деревень.

Ещё в студенческие годы А.П. Чехов написал свои первые рассказы. Его интересовали люди с разными характерами, социальные проблемы. Многие его рассказы связаны с медициной. Кроме рассказов, он писал пьесы и повести.

А.П. Чехов – тонкий психолог. Он считал, что задача писателя – задавать вопросы, а не отвечать на них. В его произведениях сочетаются ирония и лирика. Когда он уже был известным писателем, на двери его квартиры висела табличка: «Доктор А.П. Чехов».

А.П. Чехов оказал большое влияние на развитие русской и мировой литературы. Его пьесы до сих пор ставятся во многих ведущих театрах мира.

Умер Чехов от туберкулёза, так как в то время не было эффективных лекарств для борьбы с этим заболеванием.

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Познакомьтесь с некоторыми комментариями. Запишите новые для себя слова.

а)

Апатия – состояние полного безразличия, равнодушия.

Апломб – самоуверенность в поведении.

Бездолье – несчастливая жизнь, полная бед и лишений.

Гнев – чувство сильного возмущения, недовольства.

Замышлять (что?) – задумывать сделать что-нибудь плохое.

Издеваться (над кем? над чем?) – совершать жестокие действия над кем-то; зло высмеивать кого-нибудь или что-нибудь.

Изящество – тонкая красота.

Манера – особенность поведения.

Подлость – низкий, недостойный поступок.

Пошлый – безвкусно-грубый.

Солидный – (о человеке) важный; большой, полный.

б)

Кашне (неизм.) – шарф или шейный платок.

Сюртук – верхняя мужская одежда, модная в XIX веке.

Милостивый государь – старая вежливая форма обращения к мужчине.

Лакей – 1) слуга; 2) человек, полностью подчинённый другому, зависящий от него.

Верста – старая русская мера длины, 1 верста = 1 километр 66 метров.

Суматоха – беспорядочная беготня.



Экипаж – общее название колёсного транспорта для передвижения с помощью лошадей. Экипажем управлял **кучер**.

Коляска – лёгкий экипаж с откидным верхом.



Карета – закрытый экипаж, наиболее удобный и дорогой вид транспорта; указывал на статус его владельца.

Земский врач – врач, который посещал пациентов на территории всего уезда (области); на одного земского врача в среднем приходилось около 10-15 тысяч человек.

Задание 2. Найдите однокоренные слова и объясните их значение.

Тёмный, рука, мелкий, осудить, опора, сон, седой, свидетель, думать, тихий, прямой, потёмки, мелочь, рукав, судья, сонливо, раздумье, опереться, седина, видеть, выпрямиться, стихнуть.

Задание 3. Назовите глаголы, от которых образованы данные глагольные формы. К выделенным словам подберите синонимы.

а) обожжённый, вошедший, поблёкший, **умоляющий**, **утомлённый**, освещённый, **оскорблённый**, пахнувший, живший, дрожащий, **отворённый**, спавший, возбуждённый, плачущий;

б) вытирая, оживляясь, дрожа, вслушиваясь.

Задание 4. Проверьте, знаете ли вы следующие понятия, связанные с медициной.

Карболка, нашатырный спирт, эфир, аневризма, мозоль.

Задание 5. Объясните значение слов, исходя из их состава.

Человеколюбие, самопожертвование, великодушно, благополучие, красноречиво, преждевременный, благородный.

Задание 6. Прочитайте следующие выражения. Объясните, как вы их понимаете.

- 1) Беситься с жиру;
- 2) помнить до самой могилы;
- 3) изливать душу;
- 4) поникнуть головой;
- 5) дать честное слово.

Задание 7. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

ВРАГИ

Кирилов, не вытирая мокрого лица и рук, обожжённых карболкой, пошёл сам отворять дверь. В передней было темно, и в человеке, который вошёл, можно было различить только средний рост, белое кашне и большое, чрезвычайно бледное лицо, такое бледное, что, казалось, от появления этого лица в передней стало светлее...

– Доктор у себя? – быстро спросил вошедший.

– Я дома, – ответил Кирилов. – Что вам угодно?

– А, это вы? Очень рад! – обрадовался вошедший и стал искать в потёмках руку доктора, нашёл её и крепко стиснул в своих руках. – Очень... Очень рад! Мы с вами знакомы!.. Я – Абогин... Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной... У меня опасно заболела жена... И экипаж со мной...

По голосу и движениям вошедшего заметно было, что он находился в сильно возбуждённом состоянии, он едва сдерживал своё частое дыхание и говорил быстро, дрожащим голосом. Как все испуганные и ошеломлённые люди, он говорил короткими, отрывистыми фразами и произносил много лишних, совсем не идущих к делу слов.

– Я боялся не застать вас, – продолжал он. – Пока ехал к вам, истрадался душой... Одевайтесь и едемте, ради бога... Произошло это таким образом. Приезжает ко мне Папчинский, которого вы знаете... Поговорили мы... потом сели чай пить; вдруг жена вскрикивает, хватается себя за сердце и падает на спинку стула. Мы отнесли её на кровать, и... я уж и нашатырным спиртом тёр ей виски, и водой брызгал... лежит как мёртвая... Боюсь, что это аневризма...

Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи.

– Извините, я не могу ехать... Минут пять назад у меня... умер сын...

– Неужели? – прошептал Абогин, делая шаг назад. – Боже мой, в какой недобрый час я попал! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпадение... и как нарочно!

Абогин взялся за ручку двери и в раздумье поник головой. Он видимо колебался и не знал, что делать: уходить или продолжать просить доктора.

– Послушайте, – горячо сказал он, хватая Кирилова за рукав, – я отлично понимаю ваше положение! Но что же мне делать? Судите сами, к кому я поеду? Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача. Поедемте, ради бога! Не за себя я прошу... Не я болен!

Наступило молчание. Кирилов повернулся спиной к Абогину, постоял и медленно вышел из передней в залу, в эти минуты у него не было ни намерений, ни желаний, ни о чём он не думал и, вероятно, уже не помнил, что у него в передней стоит чужой человек. Идя из залы в свой кабинет, он поднимал правую ногу выше, чем следует, искал руками опоры.

По одной стене кабинета, через шкафы с книгами, тянулась широкая полоса света; вместе с тяжёлым запахом карболки и эфира этот свет шёл из слегка отворённой двери, ведущей из кабинета в спальню... Доктор опустился в кресло



перед столом; минуту он сонливо глядел на свои освещённые книги, потом поднялся и пошёл в спальню.

Здесь, в спальне, царил мёртвый покой. Всё до последней мелочи красноречиво говорило о недавно пережитой буре, об утомлении. Свечка, стоявшая в тесной толпе склянок, коробок и баночек, и большая лампа ярко освещали всю комнату. На кровати у самого окна лежал мальчик с открытыми глазами и удивлённым выражением лица. Он не двигался, но открытые глаза его, казалось, с каждым мгновением всё более темнели и уходили во внутрь черепа. Положив руки на его туловище и спрятав лицо в складки постели, перед кроватью стояла на коленях мать. Подобно мальчику, она не шевелилась. Припадала она к кровати всем своим существом, с силой и жадностью, как будто боялась нарушить покойную и удобную позу, которую, наконец, нашла для своего утомлённого тела.

Доктор остановился около жены, засунул руки в карманы брюк и, склонив голову набок, устремил взгляд на сына. Лицо его выражало равнодушие, только по росинкам, блестевшим на его бороде, и заметно было, что он недавно плакал.

Как когда-то, в своё время, прошла их молодость, так теперь, вместе с этим мальчиком, уходило навсегда в вечность и их право иметь детей! Доктору 44 года, он уже сед и выглядит стариком; его поблёкшей и больной жене 35 лет. Андрей был не только единственным ребёнком, но и последним.

В противоположность своей жене доктор принадлежал к числу натур, которые во время душевной боли чувствуют потребность в движении. Постояв около жены минут пять, он вышел в переднюю.

Тут он опять увидел белое кашне и бледное лицо.

– Наконец-то! – вздохнул Абогин, берясь за ручку двери. – Едемте, пожалуйста!

Доктор вздрогнул, поглядел на него и вспомнил...

– Послушайте, ведь я уже сказал вам, что мне нельзя ехать! – сказал он, оживляясь. – Как странно!

– Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение, сочувствую вам! – сказал умоляющим голосом Абогин, прикладывая к своему кашне руку. – Но ведь я не за себя прошу... Умирает моя



жена! Если бы вы слышали этот крик, видели бы её лицо, то поняли бы мою настойчивость! Боже мой, а уж я думал, что вы пошли одеваться! Доктор, время дорого! Едемте, прошу вас!

– Ехать я не могу! – сказал с расстановкой Кирилов и шагнул в залу.

Абогин пошёл за ним и схватил его за рукав.

– У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю вас не зубы лечить, не в эксперты, а спасти жизнь человеческую! – продолжал он умолять. – Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!

– Во имя того же человеколюбия я прошу вас не увозить меня. И как странно, ей-богу! Я едва на ногах стою, а вы человеколюбием пугаете! Никуда я сейчас не годен, не поеду ни за что, да и на кого я жену оставлю. Нет, нет...

Кирилов замахал кистями рук и попятился назад.

– И... и не просите! – продолжал он испуганно. – Извините меня... По XIII тому законов я обязан ехать, и вы имеете право тащить меня за шиворот... Извольте, тащите, но... я не годен... Даже говорить не в состоянии... Извините...

– Напрасно, доктор, вы говорите со мной таким тоном! – сказал Абогин, опять беря доктора за рукав. – Бог с ним, с XIII томом! Насиловать вашей воли я не имею права. Хотите – поезжайте, не хотите – бог с вами, но я не к воле вашей обращаюсь, а к чувству. Умирает молодая женщина! Сейчас, вы говорите, у вас умер сын, кому же как не вам понять мой ужас?

Голос Абогина дрожал от волнения; в этой дрожи и тоне было гораздо больше убедительности, чем в словах.

Кирилов стоял и молчал. Когда Абогин сказал ещё несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании и прочем, доктор спросил угрюмо:

– Далеко ехать?

– Около 13-14 вёрст. У меня отличные лошади, доктор! Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час! Только один час!

Последние слова подействовали на доктора сильнее, чем ссылки на человеколюбие или призвание врача. Он подумал и сказал:

– Хорошо, едемте!

Почти всю дорогу Кирилов и Абогин молчали. Только раз Абогин вздохнул и пробормотал:

– Мучительное состояние! Никогда так не любишь близких, как в то время, когда рискуешь потерять их.

И когда коляска тихо переезжала реку, Кирилов вдруг встрепнулся, точно его испугал всплеск воды, и задвигался.

– Послушайте, отпустите меня, – сказал он тоскливо. – Я к вам потом приеду. Мне бы только фельдшера к жене послать. Ведь она одна!

Абогин промолчал.

Во всей природе чувствовалось что-то безнадёжное, болезненное; земля апатично ожидала неизбежной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась тёмной, безгранично глубокой и холодной ямой, откуда не выбраться ни Кирилову, ни Абогину...

Чем ближе к цели подъезжала коляска, тем нетерпеливее становился Абогин. Он двигался, вскакивал, вглядывался через плечо кучера вперёд. А когда, наконец, коляска остановилась у крыльца и когда он поглядел на освещённые окна второго этажа, слышно было, как дрожало его дыхание.

– Если что случится, то... я не переживу, – сказал он, входя с доктором в переднюю и в волнении потирая руки. – Но не слышно суматохи, значит, пока ещё благополучно, – прибавил он, вслушиваясь в тишину.

В передней не слышно было ни голосов, ни шагов, и весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение. Теперь уж доктор и Абогин, бывшие до сего времени в потёмках, могли разглядеть друг друга.

Доктор был сутуловат, высок и лицо имел некрасивое. Что-то резкое, неласковое и суровое выражали его толстые губы, орлиный нос и вялый, равнодушный взгляд. Его голова, впалые виски, преждевременные седины на длинной, узкой бороде, сквозь которую просвечивал подбородок, бледно-серый цвет кожи и небрежные, угловатые манеры – всё это своею чёрствостью наводило на мысль о пережитой нужде, бездолье, об утомлении жизнью и людьми. Глядя на всю его сухую фигуру, не верилось, чтобы у этого человека была жена, чтобы он мог плакать о ребёнке.

Абогин же изображал из себя нечто другое. Это был плотный, солидный блондин, с большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одетый изящно, по самой последней моде. В его осанке, в плотно застёгнутом сюртуке и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперёд грудь, говорил приятным баритоном. Даже бледность и детский страх, с каким он, раздеваясь, поглядывал вверх на лестницу, не умаляли сытости, здоровья и апломба, каким дышала вся его фигура.

– Никого нет и ничего не слышно, – сказал он, идя по лестнице. – Суматохи нет. Дай-то бог!

Он провёл доктора через переднюю в большую залу, отсюда оба они прошли в маленькую, очень уютную и красивую гостиную.

– Ну, посидите тут, доктор, – сказал Абогин, – а я... сейчас. Я пойду погляжу и предупрежу.

Кирилов остался один. Роскошь гостиной, приятный полумрак и само его присутствие в чужом, незнакомом доме, по-видимому, не трогали его. Он сидел в кресле и разглядывал свои обожжённые карболкой руки.

Было тихо... Где-то далеко в соседних комнатах кто-то громко произнёс звук «а!», и опять всё стихло. Подождав минут пять, Кирилов перестал оглядывать свои руки и поднял глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогин.

У порога этой двери стоял Абогин, но не тот, который вышел. Выражение сытости и тонкого изящества исчезло, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли.

Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и потряс кулаками.

– Обманула! – крикнул он, сильно напирая на слоге -ну-. – Обманула! Ушла! Заболела и услала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутком Папчинским! Боже мой!

Слёзы брызнули у него из глаз. На равнодушном лице доктора засветилось любопытство. Он поднялся и оглядел Абогина.

– Позвольте, где же больная? – спросил он.

– Больная! Больная! – крикнул Абогин, смеясь и плача. – Это не больная! Низость! Подлость, хуже чего не придумал бы, кажется, сам сатана! Услала затем, чтобы бежать, бежать! О боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Доктор выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налево вместе с челюстью.

– Позвольте, как же это? – спросил он. – У меня умер ребёнок, жена в тоске, одна на весь дом... сам я едва стою на ногах, ночи не спал... и что же? Не... не понимаю!

Абогин разжал один кулак, швырнул на пол скомканную записку и наступил на неё, как на насекомое, которое хочет раздавить.

– И я не видел... не понимал! – говорил он сквозь сжатые зубы, потрясая около своего лица одним кулаком, и с таким выражением, как будто ему наступили на мозоль. – Я не замечал, что он ездит каждый день, не заметил, что он сегодня приехал в карете! Зачем в карете? И я не видел!

– Не понимаю! – бормотал доктор. – Ведь это что же такое! Ведь это издевательство над человеческими страданиями! Это что-то невозможное... первый раз в жизни вижу!

С удивлением человека, который только что стал понимать, что его тяжело оскорбили, доктор пожал плечами, развёл руками и, не зная, что говорить, что делать, в изнеможении опустил в кресло.

– Ну, разлюбила, полюбила другого – бог с тобой, но к чему же обман? – говорил плачущим голосом Абогин. – К чему? И за что? Что я тебе сделал? Послушайте, доктор, – горячо сказал он, подходя к Кирилову, – вы были невольным свидетелем моего несчастья, и я не стану скрывать от вас правды. Клянусь вам, что я любил эту женщину, любил жадно, как раб! За что же эта ложь?

Со слезами на глазах, дрожа всем телом, Абогин искренно изливал перед доктором свою душу. Он говорил горячо, прижимая обе руки к сердцу, разоблачал свои семейные тайны без малейшего колебания и как будто даже рад был, что, наконец, эти тайны вырвались наружу из его груди. Пока Абогин говорил, оскорблённый доктор

заметно менялся. Равнодушие и удивление на его лице мало-помалу уступали место выражению горькой обиды, негодования и гнева. Черты лица его стали ещё резче, черствее и неприятнее. Когда Абогин поднёс к его глазам карточку молодой женщины с красивым, но сухим и невыразительным лицом, и спросил, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово:

– Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! – крикнул он и стукнул кулаком по столу. – Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я недостаточно оскорблён? Что я лакей, которого до конца можно оскорблять? Да?



Абогин попятился от Кирилова и изумлённо уставился на него.

– Зачем вы меня сюда привезли? – продолжал доктор, трясая бородой. – Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чём тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать её, так хоть избавьте её от вашего внимания!

– Позвольте, что всё это значит? – спросил Абогин, краснея.

– А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих своими лакеями, и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!

– Как вы смеете говорить мне это? – спросил тихо Абогин, и его лицо опять запрыгало и на этот раз уже от гнева.

– Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? – крикнул доктор и опять стукнул кулаком по столу. – Кто вам дал право так издеваться над чужим горем?

– Вы с ума сошли! – крикнул Абогин. – Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

– Несчастлив, – презрительно ухмыльнулся доктор, – не трогайте этого слова, оно вас не касается. Ничтожные люди!

– Милостивый государь, вы забываетесь! – взвизгнул Абогин. – За такие слова... бьют! Понимаете?

Абогин торопливо полез в боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол.

– Вот вам за ваш визит! – сказал он, шевеля ноздрями. – Вам заплачено!

– Не смеете вы предлагать мне деньги! – крикнул доктор и смахнул со стола на пол бумажки. – За оскорбление деньгами не платят! Извольте отправить меня домой!

Абогин резко позвонил. Явился лакей.

– Пошёл, скажи, чтобы этому господину подали коляску, а для меня вели заложить карету!

В ожидании экипажей Абогин и доктор молчали. К первому уже вернулись и выражение сытости, и тонкое изящество. Он шагал по гостиной, изящно встряхивал головой и, очевидно, что-то замышлял. Гнев его ещё не остыл, но он старался показать вид, что не замечает своего врага... Доктор же стоял, держась одной рукой о край стола, и глядел на Абогина с тем глубоким

презрением, с каким умеют глядеть только горе и бездолие, когда видят перед собой сытость и изящество.

Когда доктор сел в коляску и поехал, глаза его всё ещё продолжали глядеть презрительно.

Всю дорогу доктор думал не о жене, не об Андрее, а об Абогине и людях, живших в доме, который он только что оставил. Осудил он и Абогина, и его жену, и Папчинского, и всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, и всю дорогу ненавидел их и презирал до боли в сердце. И в уме его сложилось крепкое убеждение об этих людях.

Пройдёт время, пройдёт и горе Кирилова, но это убеждение, несправедливое, недостойное человеческого сердца, не пройдёт и останется в уме доктора до самой могилы.

Задание 8. Какие слова и словосочетания характеризуют Кирилова, а какие – Абогина?

Счастливая, успешная жизнь; достаток; нужда; вялый; энергичный; изящный; апатия; мягкость; чёрствость; угловатый.

Задание 9. Найдите в тексте портреты и характеристики героев и сравните их. Как связаны между собой внешность, характер и образ жизни героев?

Задание 10. Прочитайте словосочетания из текста и скажите, какому состоянию героев они соответствуют. Используйте материал для ответов.

О Кирилове:

- у него не было ни намерений, ни желаний; он постоял, медленно вышел; искал руками опоры; недавно плакал;

- глаза замигали, налились слезами; он бормотал; пожал плечами, развёл руками; опустился в кресло;
- вскочил, сверкнул глазами; грубо отчеканивал каждое слово; стукнул кулаком по столу; смахнул деньги со стола на пол; крикнул.

Об Абогине:

- чрезвычайно бледное лицо; частое дыхание; говорил быстро, дрожащим голосом, короткими фразами;
- согнулся, простонал; потряс кулаками; слёзы брызнули из глаз; швырнул записку на пол и наступил на неё;
- лицо запрыгало, покраснело; шевелит ноздрями; достал две бумажки и швырнул их на стол.

Материал для ответов: гнев, обида, горе, негодование и обида, страх.

Задание 11. Ответьте на вопросы.

а)

1. Что произошло в семье земского врача Кирилова?
2. Что случилось в семье Абогина?
3. Сразу ли Кирилов согласился поехать с Абогиным?
4. Какой смысл вкладывали в понятие «человеколюбие» Кирилов и Абогин?
5. Что произошло в доме Абогина во время его отсутствия?
6. Как вёл себя Абогин после того, как узнал, что жена его обманула?
7. Как А.П. Чехов показал поверхностность чувств Абогина, его эгоизм?

б)

1. Как Кирилов характеризует людей типа Абогина? В чём он их обвиняет? За что презирает? Прав ли он?
2. Как Абогин относится к Кирилову?

3. С какими чувствами расстаются герои?
4. Был ли возможен другой вариант развития событий?
5. Почему Кирилов и Абогин стали врагами?
6. Как автор относится к происходящим событиям (обратите внимание на пейзаж и на слова из рассказа: «Пройдёт время, пройдёт и горе Кирилова, но это убеждение, **несправедливое, недостойное человеческого сердца**, не пройдёт и останется в уме доктора до самой могилы»)?
7. Какова главная мысль рассказа?

Задание 12. а) Прочитайте следующий отрывок из текста.

... По XIII тому законов я обязан ехать, и вы имеете право тащить меня за шиворот... Извольте, тащите, но... я не годен... Даже говорить не в состоянии... Извините...



Обратите внимание

XIII том законов – это один из томов «Свода законов Российской империи», который включал в себя врачебные уставы, где говорилось: «Первый долг всякого врача есть: быть человеколюбивым и готовым к оказанию помощи всякого звания людям, каждый врач обязан по приглашению больных являться для подаяния (оказания) им помощи».

б) Ответьте на вопросы.

1. Как вы понимаете долг врача?
2. Как вы думаете, актуальна ли тема рассказа в наше время?

Задание 13. Письменно ответьте на один из вопросов.

1. Над чем заставил вас задуматься рассказ А.П.Чехова «Враги»?
2. Как вы относитесь к героям рассказа – Кирилову и Абогину?

В АПТЕКЕ

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Незнакомые запишите.

Нюхать (что?) – вдыхать, чтобы узнать запах, обонять.

Хмуриться – недовольно или задумчиво морщить лицо (лоб, брови).

Микстура – жидкое лекарство из смеси нескольких веществ.

Мелочь – мелкие монеты.

Толпа – скопление (большое количество) людей.

Туман – непрозрачный воздух с водяными парами, а также загрязнённый пылью, дымом и т.д.

Копоться – что-то делать, заниматься чем-либо.

Склянка – небольшой стеклянный сосуд, обычно с горлышком.

Сигнатура – этикетка, наклейка.

Задание 2. Вспомните, в каких формах можно купить лекарственные препараты в аптеке. Продолжите ряд: таблетки, настойки

Задание 3. Подберите синонимы к выделенным словам. Предложения запишите.

1. **Публики** в аптеке не было.

2. Аптекарь написал **сигнатуру** и привязал к горлышку **склянки**.

3. Покупатель рассматривал неподвижную **физиономию** провизора.

Материал для ответов: этикетка (наклейка), стеклянный сосуд, люди (посетители), лицо.

Задание 4. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

В АПТЕКЕ

Был поздний вечер. Домашний учитель Егор Алексеич Свойкин, чтобы не терять попусту времени, от доктора отправился прямо в аптеку.

Войдя в аптеку, Свойкин был охвачен запахом, присущим всем аптекам. Наука и лекарства с годами меняются, но аптечный запах вечен, как материя. Его нюхали наши деды, будут нюхать и внуки. Публики, благодаря позднему часу, в аптеке не было. Его встретил высокий солидный господин со строгим лицом, наверное, провизор. Нахмуренные глаза его глядели свысока вниз, на газету, лежавшую на прилавке. Он читал. В стороне сидел кассир и лениво считал мелочь. По ту сторону прилавка, отделяющего латинскую кухню от толпы, в полумраке копошились две тёмные фигуры. Свойкин подошёл и подал господину рецепт. Тот, не глядя на него, взял рецепт, дочитал в газете до точки и, сделавши лёгкий полуоборот головы направо, пробормотал:

– Calomeli grana duo, sacchari albi grana quinque, numero decem! *Каломели два грана, сахару пять гран, десять порошков!* (лат.)

Потом провизор написал что-то на рецепте, нахмурился и, закинув назад голову, опустил глаза на газету.

– Через час будет готово, – сказал он сквозь зубы, ища глазами точку, на которой остановился.

– Нельзя ли поскорее? – пробормотал Свойкин. – Мне решительно невозможно ждать.

Провизор не ответил. Свойкин опустился на диван и

принялся ждать. Кассир кончил считать мелочь, глубоко вздохнул и щёлкнул ключом. В глубине аптеки одна из тёмных фигур завозилась около мраморной ступки. Другая фигура что-то болтала в синей склянке. Где-то мерно и осторожно стучали часы.

Свойкин был болен. Во рту у него горело, в ногах и руках стояли тянущие боли, в отяжелевшей голове бродили туманные образы, похожие на облака, и чело-



веческие фигуры. Провизора, полки с банками он видел как в тумане, а однообразный стук о мраморную ступку и медленное тиканье часов, казалось ему, происходили не вне, а в самой его голове... Разбитость

и головной туман овладевали его телом всё больше и больше, так что, подождав немного и почувствовав, что его тошнит от стука мраморной ступки, он, чтоб подбодрить себя, решил заговорить с провизором...

– Должно быть, у меня горячка начинается, – сказал он. – Доктор сказал, что ещё трудно решить, какая у меня болезнь, но уж больно я ослаб... Ещё счастье моё, что я в столице заболел, а не дай бог этакую напасть в деревне, где нет докторов и аптек!

Провизор стоял неподвижно и, закинув назад голову, читал. На обращение к нему Свойкина он не ответил ни словом, ни движением, словно не слышал... Кассир закурил... Стук мраморной ступки становился всё громче и звонче. Видя, что его не слушают, Свойкин поднял глаза на полки с банками и принялся читать надписи... Названия лекарств были одно другого мудрёнее и допотопнее.

«Сколько, должно быть, здесь ненужного балласта!» –

подумал Свойкин.

С полок Свойкин перевёл глаза на стоявший около него стеклянный шкаф. Тут увидел он резиновые кружочки, шарики, баночки с зубной пастой, косметические мыла, мазь для роста волос...

В аптеку вошёл мальчик в грязном фартуке и попросил на 10 копеек бычачьей жёлчи.

– Скажите, пожалуйста, для чего употребляется бычачья жёлчь? – обратился учитель к провизору, обрадовавшись теме для разговора.

Не получив ответа на свой вопрос, Свойкин принялся рассматривать строгую, надменно-учёную физиономию провизора.

«Странные люди, ей-богу! – подумал он. – Чего ради они напускают на свои лица учёность?»

Рассматривая неподвижную физиономию провизора, Свойкин вдруг почувствовал желание лечь во что бы то ни стало подальше от света, учёной физиономии и **стука мраморной ступки**... Болезненное утомление овладело всем его существом... Он подошёл к прилавку и попросил:

– Будьте так любезны, отпустите меня! Я... я болен...

– Сейчас... Пожалуйста, не облакачивайтесь!

Учитель сел на диван и, гоня из головы **туманные образы**, стал смотреть, как курит кассир.

«Полчаса ещё только прошло, – подумал он. – Ещё осталось столько же... Невыносимо!»

Но вот, наконец, к провизору подошёл маленький фармацевт и положил около него коробку с порошками и склянку с розовой жидкостью... Провизор дочитал до точки, медленно отошёл от прилавка и, взяв склянку в руки, поболтал её перед глазами... Потом он написал сигнатуру, привязал её к горлышку склянки и потянулся за печаткой...

«Ну, к чему эти церемонии? – подумал Свойкин. – Трата времени, да и деньги лишние за это возьмут».

Завернув, связав и запечатав микстуру, провизор стал проделывать то же самое и с порошками.

– Получите! – проговорил он наконец, не глядя на Свойкина. – Внесите в кассу рубль шесть копеек!

Свойкин полез в карман за деньгами, достал рубль и тут же вспомнил, что у него, кроме этого рубля, нет больше ни копейки...

– Рубль шесть копеек? – забормотал он, конфузясь. – А у меня только всего один рубль... Думал, что рубля хватит... Как же быть-то?

– Не знаю! – отчеканил провизор, принимаясь за газету.

– В таком случае уж вы извините... Шесть копеек я вам завтра занесу или пришлю...

– Этого нельзя... У нас кредита нет...

– Как же мне быть-то?

– Сходите домой, принесите шесть копеек, тогда и лекарства получите.

– Пожалуй, но... мне тяжело ходить, а прислать некого...

– Не знаю... Не моё дело...

– Гм... – задумался учитель. – Хорошо, я схожу домой...

Свойкин вышел из аптеки и отправился к себе домой... Пока он добрался до своего дома, сел на стул отдохнуть раз пять... Придя к себе и найдя в столе несколько медных монет, он присел на кровать отдохнуть... Какая-то сила потянула его голову к подушке... Он прилёг, как бы на минутку... **Туманные образы в виде облаков и человеческих фигур** стали завлакивать сознание... Долго он помнил, что ему нужно идти в аптеку, долго

заставлял себя встать , но болезнь взяла своё . Медяки высыпались из кулака, и больному стало сниться, что он уже пошёл в аптеку и вновь беседует там с провизором.

(по А.П.Чехову)

Задание 5. *Ответьте на вопросы.*

1. Кто и почему пришёл в аптеку?
2. Как там встретили учителя Свойкина?
3. Что он увидел в аптеке?
4. Как чувствовал себя больной Свойкин?
5. Какие симптомы заболевания вы нашли в рассказе?
6. Почему Свойкин назвал работников аптеки «странными людьми»?
7. Почему самочувствие учителя Свойкина всё ухудшалось? Какими словами автор подчёркивает ухудшение его состояния?
8. Какой звук в аптеке был очень неприятен учителю?
9. Почему он так остро реагировал на этот звук?
10. Что случилось, когда Свойкину наконец приготовили лекарства?
11. Почему учитель пришёл домой без лекарств?
12. Как вы поняли конец рассказа? Перечитайте последний абзац и объясните.
13. Обратите внимание на выделенные выражения в тексте. Как вы думаете, почему А.Чехов повторяет их несколько раз?

Задание 6.

- а) Опишите аптеку 19 века, в которую пришёл учитель.*
- б) Опишите современную аптеку.*
- в) Согласны ли вы с мнением автора, что «наука и лекарства с годами меняются, но аптечный запах вечен, как материя»?*

г) Должны ли провизоры, фармацевты быть внимательными к посетителям аптек?

д) Какие черты характера должны быть у провизора?

Задание 7. Выскажите свое мнение. Прав ли был Свойкин, когда думал: « ... счастье моё, что я в столице заболел, а не дай бог такую напасть в деревне, где нет докторов и аптек»?

Задание 8. Как по-другому можно назвать рассказ?

Задание 9. Напишите, понравился ли вам рассказ «В аптеке».

Задание 10. Как вы соотнесёте данную заповедь из «Этического кодекса фармацевта» с рассказом А.П.Чехова «В аптеке»?

Относись к больному так, как бы ты хотел, чтобы относились к тебе в час болезни. При добром слове и хорошем обращении действие лекарства эффективнее. Вера в выздоровление – половина выздоровления.

Задание 11. Прочитайте текст о развитии аптечного дела в Беларуси.

АПТЕКА АДАМОВИЧА

Архивные документы и народная память сохранили имена многих медиков-подвижников, дела которых достойны продолжения. К ним по праву можно отнести белоруса Ивана Осиповича Адамовича, жившего в 19 веке.

В 1830 г. он получил в Виленском университете диплом

провизора. Через три года в Виленской медико-хирургической академии сдал экзамен на звание аптекаря. В 1836 г. И.О. Адамович приобрёл в Гродно аптеку. Это была одна из старейших аптек в Беларуси, которая существовала с 1687 г.

Новый хозяин много сделал для того, чтобы аптека стала образцовой. Неоднократные ревизии, которые проводились медицинской администрацией Гродненской губернии, всегда отмечали, что она «находится в отличном состоянии». Ивану Осиповичу, как опытному специалисту, врачебное управление часто доверяло выполнение судебно-медицинских и санитарно-химических исследований. По поручению губернатора и Виленской медико-хирургической академии он в 1837 г. занимался изучением состава и лечебных свойств минеральных вод курорта Друскининкай. Вся работа, как правило, выполнялась бесплатно. В аптеке имелась для этого специально оборудованная лаборатория. Всё оборудование, реактивы, противоядия приобретались за счёт аптеки.

Иван Осипович, человек большой души, постоянно помогал бедным, о чём свидетельствуют архивные документы. Его аптекой для лечения больных было отпущено бесплатно лекарств на сумму 1013 руб. 99 коп. За это в январе 1842 г. владельцу аптеки, согласно указаниям Министерства внутренних дел, была объявлена «благодарность начальства».

За короткое время имя И.О. Адамовича сделалось в городе очень популярным.

Вплоть до начала XX в., в знак уважения к бывшему владельцу аптеки, жители города называли ее «аптекой Адамовича». Это название широко встречается и в официальных документах.

АХ, ЗУБЫ!

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Незнакомые запишите.

Кухарка – работница на кухне.

Извозчик – кучер; тот, кто управляет каретой, экипажем.

Вывеска – доска с надписью или рисунком, название магазина, мастерской и т.д.

Горничная – работница для уборки комнат и других помещений (не на кухне).

Приёмная – кабинет, комната для приёма посетителей.

Задание 2. Объясните значение данных слов, используя слово **который**.

Любитель театра, советчик, страдалец, мучитель, шутник, лекарь.

Задание 3. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

АХ, ЗУБЫ!

У Сергея Алексеевича Дыбкина, любителя сценических искусств, болят зубы.

По мнению опытных дам и московских зубных врачей, зубная боль бывает трёх сортов: ревматическая, нервная и костоедная; но взгляните вы на физиономию несчастного Дыбкина, и вам ясно станет, что его боль не подходит ни к одному из этих сортов. Кажется, сам чёрт с чертенятами засел в его зуб и работает там когтями, зубами и рогами. У бедняги лопается голова, сверлит в ухе, зеленеет в глазах, царапает в носу. Он держится

обеими руками за правую щеку, бегают из угла в угол и орёт.

– Да помогите же мне! – кричит он, топая ногами. – Застрелюсь, чёрт вас возьми! Повешусь!

Кухарка советует ему пополоскать зубы водкой, мамаша – приложить к щеке тёртого хрена с керосином; сестра рекомендует одеколон, смешанный с чернилами, тётенька вымазала ему десны йодом...

Но от всех этих средств он пропах лекарствами, поглупел и стал орать ещё громче...

Но вот наконец находится умный человек, который советует Дыбкину съездить к зубному врачу Каркману, рвущему зубы моментально, без боли и дёшево по своей цене. Дыбкин хватается за эту идею, надевает пальто и мчится на извозчике по данному адресу. Вот Садовая, Тверская... Наконец, вывеска: «Зубной врач Я. А. Каркман». Стоп! Дыбкин прыгает с извозчика и с воплем взбегают вверх по каменной лестнице. Давит он пуговку звонка с таким остервенением, что ломает свой изящный ноготь.

– Дома? Принимает? – спрашивает он горничную.

– Пожалуйте, принимают...

– Уф! Снимай пальто! Скорей!

Ещё минута, и, кажется, голова страдальца окончательно лопнет от боли. Как сумасшедший, или, вернее, как ошпаренный, он вбегает в приёмную и... о ужас! Приёмная битком набита публикой. Бежит



Дыбкин к двери кабинета, но его хватают за одежду и говорят ему, что он обязан ждать очереди...

– Но я страдаю! – кипит он. – Чёрт возьми, я переживаю ужасные минуты!

– Мало ли что! — говорят ему равнодушно. – Нам тоже невесело.

Мой герой в изнеможении падает в кресло, хватается за обе щеки и начинает ждать. Его лицо точно в уксусе вымыто, на глазах слёзы...

– Это ужасно! – стонет он. – Ох, уми-ра-а-ю!

– Бедный молодой человек! – вздыхает сидящая возле него дама. – Я страдаю не меньше вас: меня родные дети выгнали из моего же собственного дома!

Проходит час, другой, третий, а бедный Дыбкин всё ещё сидит в кресле и стонет. Дома давно уже пообедали и скоро примутся за вечерний чай, а он всё сидит. Зуб же с каждой минутой становится всё злее и злее...

Но вот проходит мучительная вечность и наступает очередь Дыбкина. Он срывается с кресла и летит в кабинет.

– Бога ради! – стонет он, падая в кабинете в кресло и раскрывая рот. – Умоляю!

– Что-с? Что вам угодно? – спрашивает его хозяин кабинета, длинноволосый блондин в очках.

– Рвите! Рвите! – задыхается Дыбкин.

– Кого рвать?

– А, боже мой! Зуб!

– Странно! – пожимает плечами блондин. – Мне, господин шутник, некогда, и я прошу вас сказать: что вам угодно?

Дыбкин раскрывает рот, как акула, и стонет:

– Рвите, рвите! Кто умирает, тому не до шуток! Рвите, бога ради!

– Гм... Если у вас болят зубы, то отправляйтесь к зубному врачу.

Дыбкин поднимается и, разинув рот, тупо глядит на блондина.

– Да-с, я адвокат!.. – продолжает блондин. – Если вам нужен зубной врач, то отправляйтесь к Каркману. Он живёт этажом ниже...

– Э-та-жом ни-же? – поражается Дыбкин. – Чёрт же меня возьми совсем!

(по А.П. Чехову)

Задание 4. Замените данные словосочетания синонимичными.

Неиспробованное средство, мчаться на извозчике, орать от боли, умолять о помощи, моментально рвать зубы, разинуть рот, равнодушно говорить.

Задание 5. а) Скажите, от каких глаголов образованы данные формы императива:

Помогите, снимайте, рвите, отправляйтесь.

б) Образуйте формы императива от следующих глаголов:

Полоскать, прикладывать – приложить, поехать, снимать – снять, ждать – подождать, открывать – открыть.

Задание 6. Скажите фразы по-другому.

1. У бедняги лопается голова.
2. Приёмная битком набита публикой.
3. Зуб с каждой минутой становится всё злее и злее.
4. Кто умирает, тому не до шуток.
5. Дома скоро примутся за вечерний чай.

Задание 7. Найдите в тексте и прочитайте предложения, которые описывают ощущения Дыбкина во время зубной боли.

Задание 8. Найдите в тексте и прочитайте предложения, которые описывают поведение Дыбкина.

Задание 9. Ответьте на вопросы.

1. Что случилось с Сергеем Алексеевичем Дыбкиным?
2. Какие средства от зубной боли советовали ему родственники и знакомые?
3. Какой самый правильный совет получил Дыбкин?
4. Почему Дыбкин не смог быстро попасть к врачу?
5. Как отреагировали на страдания Дыбкина люди, которые сидели в приёмной?
6. Что произошло, когда Дыбкин наконец-то попал в кабинет «врача»?

Задание 10. Объясните название текста.

Задание 11. Перескажите текст.

Задание 12. Объясните, в чём состоит комизм ситуации, которая произошла с Дыбкиным.

Задание 13. Передайте содержание текста в письменной форме.

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Александр Иванович Куприн
(1870-1938)



Русский писатель А. И. Куприн был большим гуманистом. Его произведения проникнуты глубокой любовью и уважением к человеку, стремлением понять его.

Талантливый писатель помогает нам лучше понять и острее ощутить радость бытия, поэзию повседневной жизни и неизбежность победы светлого начала.

В занимательном и очень добром рассказе «Чудесный доктор», запечатлевшем эпизод из жизни хирурга Н.И. Пирогова, говорится о «великом, мощном и святом», что «жило и горело» в этом деятеле русской медицины. Н. И. Пирогов – явление исключительное по своим масштабам.

Искорку «мощного и святого» Куприн всегда старался отыскать в людях. Он верил в человека, верил в светлые нравственные начала, исстари живущие в народе. И своим творчеством он стремился показать это.

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Познакомьтесь с некоторыми комментариями. Запишите новые для себя слова.

а)

Плясать – танцевать.

Созерцание – пассивное наблюдение.

Соблазн – что-то заманчивое.

Льнуть (к кому? к чему?) – прижиматься.

Подвал – помещение в доме под первым этажом.

Нищета – крайняя бедность.

Милостыня – подавание нищему.

Ликовать – восторженно радоваться, торжествовать.

Страдание – физическая или нравственная боль, мучение.

Озлобление – ожесточение, сильная злоба.

Снисхождение – нестрогое отношение.

Изумление – крайнее удивление.

б)

Барин, барыня – в дореволюционной России человек из привилегированного общества (помещик, дворянин и т.п.)

Управляющий – лицо, нанимаемое хозяином для ведения дела какого-нибудь хозяйства, предприятия.

в)

Разинув рот (фразеол.) – раскрыв рот от удивления; раскрыв рот, забыв обо всём.

Вот штука-то (фразеол.) – выражение удивления или разочарования.

Не падать духом (фразеол.) – не терять надежду.

Задание 2. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Всё описанное мной действительно произошло в Киеве и до сих пор свято, до мельчайших подробностей сохраняется в преданиях того семейства, о котором пойдёт речь. Я со своей стороны лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

– Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросёнок то... Смеётся... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... Травка во рту, травка!.. Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоящих перед огромным окном

гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями и невольно приплясывая от мороза. Они уже более пяти минут стояли перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещённые ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблок и апельсинов; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копчёные и маринованные рыбы; ниже, окружённые гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дёрнул брата за рукав и произнёс сурово:

– Ну, Володя, идём, идём... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжёлый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюблённо-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели ёлку, иногда слышали даже звуки весёлой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, всё малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие ёлки, праздничное оживление толпы – всё осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещённые косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, низ его – собственно подвал – был каменный, а верх – деревянный. Обойдя дом, они спустились вниз, в подвал, прошли в

темноте общим коридором, отыскивали ощупью свою дверь и открыли её.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на широкой постели, лежала девочка лет семи; её **лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно.** Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлёбываясь, грудной ребёнок. Высокая, худая женщина с измождённым, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся люльку. Когда мальчики вошли, женщина настороженно посмотрела на них.

– Ну? Что же? – спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчики молчали.

– Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

– Отдал, – сиплым от мороза голосом ответил Гриша.

– Ну, и что же? Что ты ему сказал?

– Да всё, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: «Убирайтесь вы, говорит, отсюда».

– Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

– Швейцар разговаривал... Кто же ещё? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду». А он говорит: «Нет у барина времени ваши письма читать...»

– Ну, а ты?

– Я ему всё, как ты учила, сказал: «Есть, мол, нечего... Машутка больна... Помирает...» Говорю: «Как папа работу найдёт, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит». Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: «Убирайтесь скорее отсюда! Чтобы духу нищего здесь не было!..» А Володьку даже по затылку ударил.

Мать больше не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на непрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

– Там щи есть, от обеда остались... Может, поели бы? Только холодные, – разогреть-то нечем...

В это время в коридоре слышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика – все трое, даже побледнев от напряжённого ожидания, – обернулись в эту сторону.

Вошёл Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щёки облипли вокруг дёсен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место занято уже другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой. А тут ещё пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит **в жару и без сознания**.

Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она подённо стирала бельё.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий найти где-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговорились или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрёпанную шляпу.

– Куда ты? – тревожно спросила Елизавета Ивановна. Мерцалов, взявшийся за ручку двери, обернулся.

– Всё равно, сидением не поможешь, – хрипло ответил он. – Пойду ещё... Хоть милостыню попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошёл бесцельно вперёд. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже

пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но первый раз какой-то господин прочёл ему наставление, что надо работать, а не кланчить, а во второй – его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды общественного сада. Так как ему пришлось всё время идти в гору, то он запыхался, и почувствовал усталость, и опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветки. Глубокая тишина и великое спокойствие вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду того же спокойствия, такой же тишины.

«Вот бы лечь и заснуть, – думал он, – и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую верёвку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?» Он уже хотел встать, чтобы исполнить своё страшное намерение, но в это время в конце аллеи слышался скрип шагов, отчётливо

раздававшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шёл по аллее. Мерцалов разглядел старика небольшого роста, в тёплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

– Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в молчании.

– Ночка-то какая славная, – заговорил вдруг незнакомец. – Морозно... тихо. Что за прелесть – русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

– А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, – продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свёртков). – Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он повернулся в сторону старика и закричал:

– Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки дома с голоду подыхают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребёнок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдёт, но он ошибся. Старик приблизил к нему своё умное, серьёзное лицо и сказал дружелюбно, но серьёзным тоном:

– Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне всё по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же, страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере работы, о смерти ребёнка, обо всех своих несчастьях, вплоть до сегодняшнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только всё пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущённой души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил со своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

– Едемте! – сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. – Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедemте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью. Мальчишки, сидя на тех же местах, плакали, размазывая слёзы по лицу. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и подошёл к Елизавете Ивановне.

– Ну, полно, полно, голубушка, – заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. – Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну подняться с постели и беспрекословно исполнить всё, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами,

за которыми чудесный доктор послал к соседям, Елизавета Ивановна оборачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыв написанное чайным блюдечком и сказал:

– Вот с этой бумажкой вы пойдёте в аптеку... Давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малютки **отхаркивание**... Продолжайте **согревающие компрессы**... Кроме того, даже если вашей дочери и станет лучше, всё равно пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнёсся к вам, чем этот, а главное – не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, всё ещё не оправившимся от изумления, доктор быстро надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

– Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

В это время в конце коридора спокойный старческий голос произнёс:

– Э! Вот ещё пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорее!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего благодетеля. На аптечном ярлыке, прикреплённом к пузырьку с лекарством, чёткою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова».

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова – того самого Гришки, который в описанный мною вечер проливал слёзы в закоптелый чугунок с пустыми щами. И каждый раз, заканчивая своё повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрываемых слёз:

– С этих пор всё переменилось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор – это когда его перевозили мёртвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невосвратимо.

Задание 3. Объясните, как вы понимаете следующие выражения.

Прильнуть глазком к стеклу, клочок бумаги, измождённое лицо, промозглая комната, истрёпанная шляпа, отчаянная злоба, не падать духом.

Задание 4. Скажите по-другому, заменив выделенные слова и словосочетания.

1. Всё, что **описано мной**, произошло в Киеве.
2. Двое мальчуганов принялись неудержимо **хохотать**.
3. Старший мальчик **перестал созерцать** очаровательное зрелище.
4. Иногда сквозь **запотевшие** окна какого-нибудь дома

мальчуганы видели ёлку.

5. Грудной ребёнок кричал, **морщась, надрываясь и захлёбываясь.**
6. Потянулись пустыри, косогоры, **которые не были освещены.**
7. Высокая худая женщина стояла на коленях около больной девочки, **поправляя** ей подушку и не **забывая** подталкивать локтем **качающуюся** люльку.

Задание 5. Ответьте на вопросы.

1. Как описывает автор витрину гастрономического магазина и дом, где жили Мерцаловы, центр города и окраины? Как вы думаете, для чего автор прибегает к приёму контраста?
2. Что явилось причиной бедственного положения семьи Мерцалова?
3. Почему Мерцалов оказался вечером в зимнем саду?
4. Найдите в тексте описание внешности Мерцалова и Пирогова. С какой целью автор так подробно описывает внешность героев?
5. Что вы можете сказать о характере Мерцалова?
6. Охарактеризуйте поведение Пирогова во время встречи с Мерцаловым в саду и при посещении дома Мерцалова.
7. Как вы думаете, как могли бы развернуться события, если бы Мерцалов не встретил в саду Пирогова? Аргументируйте свой ответ.
8. Перед каким праздником произошла эта история?
9. Почему рассказ называется «Чудесный доктор»?

Задание 6. Письменно ответьте на следующие вопросы.

1. Какие признаки болезни Машутки даны в рассказе? Чем, по-вашему, была больна Машутка? Обратите

внимание на выделенные в тексте слова.

2. На что обычно жалуются больные, у которых воспаление лёгких или катар верхних дыхательных путей? Какие симптомы характерны для этих заболеваний?

Задание 7. Перескажите содержание текста от лица Мерцалова и от лица Пирогова.

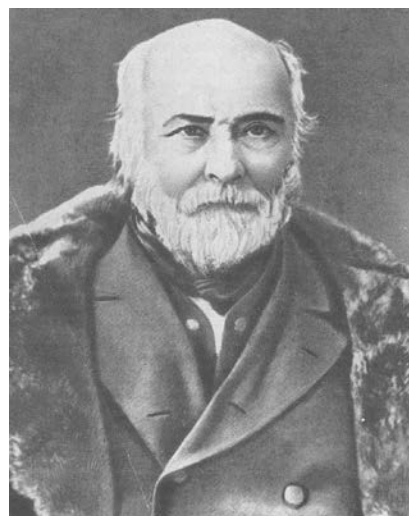
Задание 8. Найдите и прочитайте в тексте слова, которыми автор характеризует Н.И.Пирогова.

Задание 9. Прочитайте сведения о Н.И. Пирогове.

Николай Иванович Пирогов (1810-1881)

Пирогов был замечательным хирургом, учёным-анатомом и физиологом, педагогом, прогрессивным общественным деятелем.

Четырнадцатилетним юношей Пирогов поступил на медицинский факультет Московского университета. Талантливому врачу и учёному было 22 года, когда он защитил докторскую диссертацию.



Четырёхтомный атлас «Топографической анатомии» принёс Пирогову мировую известность.

После открытия наркоза Пирогов разрабатывает методику применения эфирного обезболивания, конструирует маску для наркоза и высказывает мысль о возможности введения наркотических веществ непосредственно в кровеносные сосуды и через дыхательные пути. Он впервые применяет наркоз в военно-полевых условиях при

операциях раненых солдат.

Оперировал Пирогов всю жизнь... Более того, даже уйдя в 1866 г. на пенсию, живя в неприспособленном для врачебной практики поместье, Пирогов на свои средства построил больницу.

В память о Н.И. Пирогове были организованы Пироговские съезды врачей, а в Петербурге – Хирургическое общество имени Пирогова.

В 1957-1962 гг. впервые было издано академическое 8-томное собрание медицинских сочинений учёного, дважды изданы его педагогические сочинения. Существует созданный в селе Пирогово Винницкой области Музей-усадьба Н.И. Пирогова.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА

Александр Сергеевич Пушкин
(1799-1837)



«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нём заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка... В нём русская природа, русская душа, русский характер...» – писал о великом русском поэте великий русский писатель Н.В.Гоголь.

Поэт, прозаик, драматург, Александр Сергеевич Пушкин прожил короткую жизнь: он родился в 1799 году, а в 1837 году

был смертельно ранен на дуэли. Всего 37 лет прожил Пушкин, а оставил нам так много! Стихи, поэмы, повести, сказки, драмы Пушкина перевели и переводят на многие языки мира. «Солнце нашей поэзии», – писали о Пушкине его современники. Его стихи являются шедеврами русской поэзии. Они обо всём: о любви, дружбе, природе, о роли поэта в обществе. Он написал роман в стихах «Евгений Онегин». Его повести, драмы ярко и неповторимо отражают жизнь и историю России.

Любой человек, знакомящийся с Россией, её историей и культурой, не может не познакомиться с А.С.Пушкиным, поэтом, драматургом и прозаиком, который оказал огромное влияние на развитие мировой художественной литературы. Он, безусловно, является гордостью России!

Задание 1. Прочитайте слова, необходимые для понимания текста. Познакомьтесь с некоторыми комментариями. Запишите новые для себя слова.

а)

Овдоветь – потерять мужа или жену.

Осуждать (кого? что?) – выражать неодобрение; **осуждавший**.

Резвый – подвижный, весёлый, шаловливый; **резвость**.

Проказа – розыгрыш.

Роща – небольшой лиственный лес, чаще берёзовый.

Гостиная – комната для приёма гостей.

Кузнец – специалист по обработке металла.

Уныние – сильная печаль, гнетущая скука.

Хромать – не ровно ходить, если болит нога.

Рассеянный – очень невнимательный.

Забава – развлечение, игра; **забавный**.

б)

Привилегированный – имеющий привилегии, пользующийся привилегиями. В России 19-го века привилегированный класс – дворянство.

Дворянство (дворянин, дворянка).

Крестьянство – низший класс (крестьянин, крестьянка).

Помещик – землевладелец, обычно дворянин.

Имение – земельное владение помещика, поместье.

Стремянный – слуга-конюх.

Борзая – охотничья собака.

Задание 2. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА

В одном из отдалённых наших мест находилось имение Ивана Петровича Берестова. В молодости своей служил он в армии, вышел в отставку в начале 1797 года и уехал в свою деревню. Он был женат на бедной дворянке,

которая умерла во время родов. Хозяйственные упражнения скоро его успокоили. Он построил дом по собственному плану, фабрику, которая приносила доходы, и стал считать себя умнейшим человеком во всей округе. Не ладил с ним только Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Этот был настоящий русский барин. Растратив в Москве большую часть своего имения, овдовев, уехал он в свою деревню, где посадил английский сад. Поля свои обрабатывал он по английской методе.

Из людей, осуждавших Муромского, Берестов отзывался строже всех. Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера.

Таковы были отношения между двумя владельцами, когда сын Берестова приехал к нему в деревню. Он был воспитан в университете и хотел поступить на военную службу, но отец на то не соглашался.

Барышни поглядывали на него, а иные и заглядывались, но Алексей мало обращал на них внимания, а они полагали, что он влюблён.

Но более всех была им увлечена дочь англomана Лиза (или Бетси, как звал её Григорий Иванович). Отцы друг к другу не ездили, она Алексея ещё не видела, хотя, как все молодые соседки, только о нём и говорила. Ей было семнадцать лет. Её резвость и поминутные проказы восхищали её отца. Лизе прислуживала Настя. Лиза очень любила её, открывала ей все свои тайны, вместе с ней обдумывала свои затеи.

– Позвольте мне сегодня пойти в гости, – сказала однажды Настя, одевая барышню, – в Тугилово, к Берестовым. Поварова жена у них именинница и вчера приходила звать нас отобедать.

– Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да расскажи мне хорошенько, что он за человек.

Настя обещала, а Лиза с нетерпением ожидала целый день её возвращения. Вечером Настя явилась.

– Ну, Лизавета Григорьевна, – сказала она, входя в комнату, – видела молодого Берестова, насмотрелась, целый день были вместе.

– Ну что ж? Правда ли, что он так хорош собой?

– Удивительно хорош, красавец, можно сказать. Стройный, высокий, румянец во всю щеку...

– Говорят, он влюблён и ни на кого не смотрит?

– Не знаю, а на меня так уж слишком смотрел. Барин, говорят, прекрасный: такой добрый, такой весёлый. Одно нехорошо: за девушками слишком любит гоняться.

– Как бы мне хотелось его видеть! – сказала Лиза со вздохом.

– Тугилово от нас недалеко: пойдите гулять в ту сторону или поезжайте верхом; вы, точно, встретите его. Он каждый день, рано утром, ходит с ружьём на охоту.

– Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так мне нельзя с ним познакомиться... Ах, Настя! Знаешь что? Наряжусь я крестьянкой!

– И в самом деле, наденьте толстую рубашку, сарафан, да и идите смело в Тугилово.

На следующий день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась. Весь дом ещё спал. Лиза тихонько нарядилась крестьянкой, вышла на заднее крыльцо и через огород побежала в поле.

Приближаясь к роще, Лиза пошла тише, как вдруг собака залаяла на неё. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: «Сбогар, ко мне!» – и молодой охотник показался из-за кустарника. «Не бойся, милая, –

сказал он Лизе, – собака моя не кусается». «Да нет, барин, – сказала она, притворяясь полуиспуганной, полужастенчивой, – боюсь: она, видишь, какая злая». Алексей между тем пристально смотрел на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься, – сказал он ей, – откуда ты?» – «Из Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы. А ты, барин, Тугиловский, что ли?» – «Так точно», – отвечал Алексей. Лиза час от часу более нравилась Алексею. «Как тебя зовут, душа моя?» – «Акулиной», – отвечала Лиза. – «Ну, мой друг Акулина, непременно приду в гости к твоему отцу, к Василью-кузнецу». –



«Что ты? – возразила Лиза. – Если дома узнают, что я с барином в роще разговаривала наедине, то мне беда будет». – «Я непременно хочу тебя опять видеть». – «Ну я когда-нибудь опять сюда приду за грибами». – «Когда же?» – «Да хоть завтра». – «И ты не обманешь меня?» – «Не обману».

Молодые люди расстались. Лиза вышла из лесу и побежала на ферму, где Настя ожидала её. Там она переоделась и явилась в гостиную. Отец похвалил её за раннюю прогулку. «Нет ничего здоровее, – сказал он, –

как просыпаться на заре». Но Лиза его не слушала. Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала её мучить. Она совсем было решила не сдержатъ своего слова. Но Алексей, прождав её напрасно, мог идти искать в селе дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, и таким образом догадаться о её легкомысленной проказе. Мысль эта ужаснула Лизу, и она решила на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.

Алексей целый день думал о новой своей знакомке. Заря едва занималась, как он уже был одет. Он вышел в поле с верным своим Сбогаром и побежал к месту обещанного свидания. Около получаса прошло для него в ожидании; наконец он увидел синий сарафан и бросился навстречу милой Акулине. Она улыбнулась, но Алексей тотчас же заметил на её лице следы уныния и беспокойства. Он хотел узнать тому причину. Лиза призналась, что её поступок казался ей легкомысленным, что это свидание будет уже последним. «Дай мне слово, – сказала она, наконец, – что ты никогда не будешь искать меня в деревне или расспрашивать обо мне. Дай мне слово не искать других со мной свиданий». Алексей согласился. Они расстались, и Алексей, оставшись наедине, не мог понять, каким образом простая деревенская девочка в два свидания успела взять над ним истинную власть.

В одно ясное, холодное утро Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякий случай взяв с собой пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек. В то же самое время Григорий Иванович Муромский приказал оседлать свою кобылку и поехал около своих владений. Подъезжая к лесу, увидел он соседа своего. Делать было нечего: Муромский как образованный европеец подъехал к своему противнику и

поприветствовал его. В это время заяц выскочил из лесу и побежал полем. Берестов и стремянный закричали во всё горло, пустили собак и следом поскакали. Лошадь Муромского, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понеслась. Муромский дал ей волю и внутренне доволен был случаем, который избавит его от неприятного собеседника. Доскакав до оврага, она вдруг кинулась в сторону, и Муромский не удержался и упал с лошади. Иван Петрович подскочил к нему узнать, не ушибся ли он. Стремянный помог Муромскому взобраться в седло, а Берестов пригласил его к себе. Муромский не мог отказаться, потому что чувствовал себя обязанным, и, таким образом, Берестов возвратился очень довольный, затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти военнопленным.

Соседи, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Берестов проводил его до самого крыльца, и Муромский уехал, но прежде взял с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино. Лиза выбежала навстречу Григорию Ивановичу. «Что это значит, папа? – сказала она с удивлением, – почему вы хромаете?» – «Вот уж не угадаешь, моя дорогая», – отвечал ей Григорий Иванович и рассказал всё, что случилось. Григорий Иванович объявил, что завтра будут у него обедать оба Берестовы. «Что вы говорите! – сказала она, побледнев. – Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь». – «Что ты, с ума сошла? – возразил отец. – Давно ли ты стала так застенчива?» – «Нет, папа, ни за что на свете не явлюсь я перед Берестовыми».

На следующий день во время завтрака Григорий Иванович спросил у дочки, будет ли она прятаться от Берестовых. «Папа, – отвечала Лиза, – я приму их, если

это вам угодно, только с уговором: как бы я перед ними ни явилась, чтобы я ни сделала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивления или неудовольствия». – «Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай, что хочешь».

В два часа Иван Петрович Берестов и его сын Алексей въехали на двор. Войдя в гостиную, они уселись втроем: старики вспоминали прежнее время и происшествия своей службы, а Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы. Он решил, что холодная рассеянность всего приличнее и приготовился. Дверь отворилась, и вошла Лиза. Все встали; отец начал представлять гостей, но вдруг остановился... Лиза, его смуглая Лиза набелена была по уши, фальшивые локоны, гораздо светлее собственных её волос, были взбиты, как парик Людовика XIV; талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты её матери сияли на её пальцах, шее и ушах. Алексей не мог узнать свою Акулину в этой смешной и блестящей барышне.

Сели за стол. Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза говорила сквозь зубы и только по-французски. Отец поминутно засматривался на неё, не понимая её цели, но находя всё это весьма забавным.

Гости уехали. Лиза была в восхищении от успеха своей выдумки.

На другой день утром Лиза явилась в рощу свиданий. «Ты был, барин, вчера у наших господ? – сказала она тотчас Алексею. – Какова показалась тебе барышня?» Он отвечал, что он её не заметил. Алексей говорил ей, что она лучше всевозможных беленьких барышень, и чтоб успокоить её совсем, начал описывать её госпожу так смешно, что Лиза хохотала от души.

Прошла неделя, и между ними началась переписка. Почтовым ящиком служило дупло старого дуба.

Между тем, недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорием Ивановичем Муромским вскоре превратилось в дружбу: Муромский нередко думал о том, что после смерти Ивана Петровича всё его имение перейдет в руки Алексею Ивановичу, что Алексей Иванович будет одним из самых богатых помещиков. Старый же Берестов, со своей стороны, признавал, что Григорий Иванович был близкий родственник графу Пронскому, человеку знатному и сильному; граф мог быть очень полезен Алексею. Старики наконец друг с другом поговорили, обнялись и принялись хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затруднение: уговорить свою Бетси познакомиться с Алексеем, которого она не видела с самого памятного обеда. Казалось, они друг другу не очень нравились. Но, думал Григорий Иванович, если Алексей будет у него каждый день, то Бетси должна будет в него влюбиться. Это в порядке вещей.

В тот же вечер Иван Петрович позвал сына в свой кабинет и сказал: «Я намерен тебя женить».

– На ком это, батюшка? – спросил очень удивлённый Алексей.

– На Лизавете Григорьевне Муромской, – отвечал Иван Петрович, – невеста хоть куда, не правда ли?

– Батюшка, я о женитьбе ещё не думаю.

– Ты не думаешь, так я за тебя подумал.

– Лиза Муромская мне совсем не нравится.

– После понравится. Стерпится – слюбится.

– Как вам угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

– Ты женишься или я продам имение и тебе ничего не оставлю. Даю тебе три дня на размышление, а пока не смей на глаза мне показываться.

Алексей ушёл в свою комнату и стал размышлять о пределах родительской власти, о Лизавете Григорьевне, об обещании отца сделать его нищим и, наконец, об Акулине. В первый раз видел он ясно, что он в неё страстно влюблен; романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем больше думал он об этом решительном поступке, тем больше находил в нём благоразумия. Он написал Акулине письмо, объявлял ей о грозящей им гибели и тут же предлагал ей свою руку.

На другой день Алексей, твёрдый в своём намерении, рано утром поехал к Муромскому, чтобы откровенно с ним объясниться. Он надеялся склонить его на свою сторону, но Григория Ивановича не было дома. Тогда Алексей решил объясниться с Лизой. Он вошёл... и остолбенел! Лиза... нет, Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платье, сидела перед окном и читала его письмо; она не слышала, как он вошёл. Алексей не мог удержаться от радостного восклицания. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотела убежать. Он бросился её удерживать. «Акулина, Акулина!..» Лиза старалась от него освободиться... «Акулина! друг мой, Акулина!» – повторял он, целуя её руки. В эту минуту дверь отворилась, и Григорий Иванович вошёл.

– Ага! – сказал Муромский, – да у вас, кажется, дело совсем уже слажено...

Задание 3. Объясните значение выделенных слов и словосочетаний.

1. Одни девушки **поглядывали** на молодого человека, а другие **заглядывались**.
2. Лизе **прислуживала** Настя: одевала, причёсывала, подавала обед.
3. В молодости Берестов **служил в армии**, а потом вышел **в отставку**.
4. Жена его умерла **во время родов**.

Задание 4. Замените выделенные части предложений близкими по значению словами и словосочетаниями.

Лиза **нарядилась** крестьянкой. Она проснулась **ни свет ни заря**, хотя просыпаться **на заре** не было её привычкой.

Задание 5. Подберите однокоренные слова к глаголу **прислуживать**.

Задание 6. Прочитайте сложные слова. Понимаете ли вы их значение?

Нововведение, дружелюбный, военнопленный, легкомысленный.

Задание 7. Трансформируйте предложения, используя слово **когда**.

1. Приближаясь к роще, Лиза пошла тише.
2. Доскакав до оврага, лошадь бросилась в сторону.
3. Одевая барышню, Настя сказала, что хочет пойти в гости к соседям.

Задание 8. Ответьте на вопросы.

а)

1. Кто такой И.П. Берестов?
2. Кто такой Г.И. Муромский?

3. Какие отношения были между соседями?
4. Что вы узнали об Алексее Берестове?
5. Что вы узнали о Лизе Муромской?
6. Почему Лиза решила переодеться в крестьянку?
7. Как встретил Акулину Алексей? Какие отношения сложились между ними?
8. Что случилось на прогулке, на которую поехали их отцы?
9. Как развивались события после падения Муромского?
10. Как встретила Лиза гостей?
11. Какое решение принял однажды отец Алексея?
12. Что после этого сделал Алексей?
13. Как раскрылся обман?
14. Чем закончилась эта история? О чём она?

б)

1. В чём сходство судеб Берестова и Муромского?
2. В чём различие их взглядов на жизнь?
3. После какого случая соседи стали общаться?
4. Как познакомились Лиза и Алексей?
5. Почему родители решили их поженить?
6. Как в дальнейшем сложились отношения между Лизой и Алексеем?
7. Почему эта повесть называется «Барышня-крестьянка»?

Задание 9. Охарактеризуйте Лизу. Опишите характер Алексея.

Задание 10. а) Кто из героев повести может сказать о себе: романтичный, ветреный, легкомысленный, англо-ман, умнейший, образованный?

б) О ком мы можем сказать: любопытный, прогрессивный хозяин, консерватор?

Задание 11. а) Как вы поняли выражения: в порядке вещей, дело слажено, стерпится – слюбится?

б) Составьте с ними микротексты.

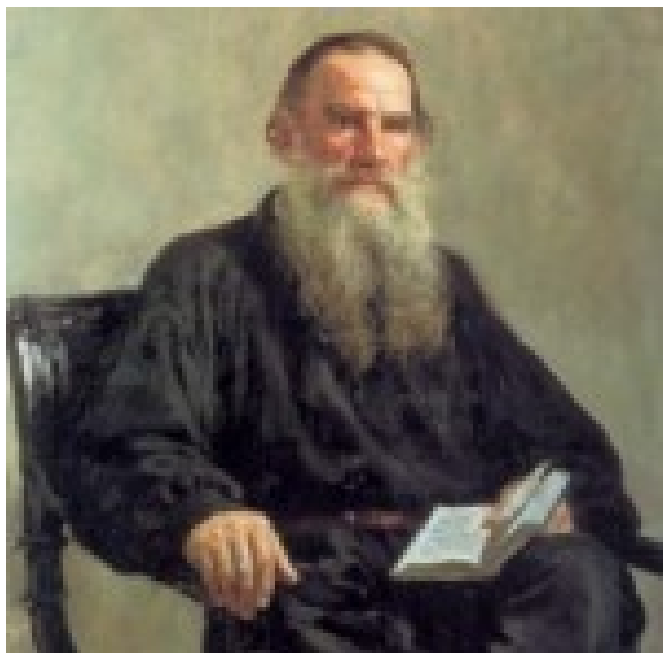
Задание 12. Перескажите текст от лица каждого из героев рассказа.

Задание 13. Вспомните, какие произведения вы читали, где отношения родителей повлияли на судьбы их детей.

Задание 14. Напишите небольшой рассказ (по выбору) «Берестов и Муромский», «Акулина и Алексей», «Лиза и Алексей», «Лиза и Настя».

ПОСЛЕ БАЛА

Лев Николаевич Толстой
(1828-1910)



Среди классиков мировой литературы Л.Н.Толстой занимает одно из первых мест. Это великий русский писатель, произведения которого охватывают целую эпоху.

Л.Н. Толстой не только гениальный художник, но и великий историк русской жизни. Он глубоко исследовал различные проблемы: социальные,

философские, религиозные, моральные. Писал романы, повести и рассказы.

Самые известные произведения – «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», «Крейцера соната», «Смерть Ивана Ильича», «После бала» и другие. Произведения Л.Н. Толстого переведены на многие языки мира, по ним поставлены фильмы.

Задание 1. Прочитайте слова и выражения, необходимые для понимания текста. Познакомьтесь с некоторыми комментариями. Запишите новые для себя слова.

а)

Эпизод – случай, происшествие.

Грациозный – стройный, изящный.

Величественный – имеющий выдающиеся свойства, внушающий поклонение.

Провинциальный – находящийся не в столице.

Бойкий – ловкий, быстрый.

Скромничать – не хвастать заслугами, достоинствами.

Танцевать до упаду – танцевать очень долго.

Кадриль, вальс, полька, мазурка – названия танцев.

Башмачки – вид женской обуви.

Ухаживать (*за кем? за чем?*) – заботиться, помогать.

Неучтивый – невежливый.

Затмить (*кого?*) – быть лучше всех в каком-то отношении.

Смущаться – стесняться, стыдиться.

Восторг – большой подъём чувств, восхищение.

Статный – стройный, хорошего телосложения.

С умилением смотреть – с нежным чувством смотреть.

Плавно – не резко, как бы плывя по воде.

Выправка – осанка, манера держаться собранно, подтянуто.

Грузный – тяжёлый, неповоротливый.

Трогательный – вызывающий умиление.

Милосердствовать – сострадать, помогать из человеколюбия; **милосердие**.

Тоска – душевная тревога, соединённая с грустью.

Зрелище – явление, происшествие, пейзаж, которые привлекают взгляд.

Годиться – быть нужным для чего-нибудь.

Досада – чувство неудовольствия вследствие неудачи, обиды.

Фероньерка – женское украшение в виде обруча (ленты, цепочки), которое надевается на голову.

б)

Шпицрутен – длинная гибкая палка.

Гонять – жестокое наказание в российской армии в XIX веке.

Мазать – *здесь*: бить мимо или слабо.

Encore – ещё, **ma chère** – моя дорогая (*франц.*).

/анкор/

/ма шэр/

Задание 2. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

ПОСЛЕ БАЛА

– Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя расскажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так сделал и теперь.

– Я про себя расскажу. Вся моя жизнь сложилась так, не иначе, не от среды, а совсем от другого.

– От чего же? – спросили мы.

– Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

– Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

– Да, – сказал он. – Вся жизнь переменилась от одной ночи, или, скорее, утра.

– Да что же было?

– А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело уже прошлое; у неё уже дочери замужем. Это была Б., да, Варенька Б... – Иван Васильевич назвал фамилию. – Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

То, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Главное моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

– Ну, нечего скромничать, – перебила его одна из собеседниц. – Мы ведь знаем ваш портрет. Не то что не безобразен, а вы были красавец.

– Красавец, так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я на балу у губернского предводителя, добродушного старичка, богача, хлебосола. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном платье и брильянтовой фероньерке на голове.

Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хотя я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с нею, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся, с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.



По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость.

Я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбаясь говорила мне «encore». И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела.

Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, в гостиных поднялись уже из-за карточных столов папаши и мамыши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

– Так после ужина кадрили моя? – сказал я ей, отводя её к месту.

– Разумеется, если меня не увезут, – сказала она улыбаясь.

– Я не дам, – сказал я.

– Дайте же веер, – сказала она.

– Жалко отдавать, – сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

– Так вот вам, чтоб вы не жалели, – сказала она, оторвала пёрышко от веера и подала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

– Смотрите, папа просят танцевать, – сказала она мне, указывая на высокую, статную фигуру её отца полковника, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

– Варенька, подите сюда, – услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

– Уговорите, *ma chère*, отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславович, – обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, как у Николая I, усами, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, – «надо всё по закону», – улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным удивлением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были изготовлены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», – думал я, и эти четвероугольные носки

сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых движений, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

– Ну, всё равно, пройдитеесь теперь вы с ней, – сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупёю.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, и её мужа, и её гостей, и её лакеев. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с ней и обещанную кадрили, и, несмотря на то, что я был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что

я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было пёрышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой, когда она радостно подаёт мне руку или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья глядит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно движется около него и с гордостью и радостью и за себя, и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умилённом чувстве.

Жили мы тогда с братом. Брат вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я смотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица со спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда

я вышел, уже было светло. Была весенняя погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля. Я прошёл на пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться пешеходы. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» – подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», – подумал я и вместе с кузнецом, несшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигаясь. Позади них стояли барабанщики и флейтчик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

– Что это они делают? – спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

– Татарина гоняют за побег, – сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ними шёл военный в шинели и фуражке, фигура которого

показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад, – и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд – и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, со своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердствуйте. Братцы, помилосердствуйте». Но братцы не



милосердствовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой и опять с той ... Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через отто-

пыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

– О господи, – проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё также твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

– Я тебе помажу, – услышал я его гневный голос. – Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабо-сильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

– Подать свежих шпицрутенгов! – крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он грозно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердствуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем, на сердце была физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой

и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, – думал я про полковника. – Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру.

Что же вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было – дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», – думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

– Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, – сказал один из нас. – Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годилось, кабы вас не было.

– Ну, уж это совсем глупости, – с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

– Ну а любовь что? – спросили мы.

– Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я реже стал видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и отчего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите ... – закончил он.

Задание 3. Скажите, как вы понимаете фразы:

1. Любовь сошла на нет.
2. Среда заедает.
3. Я был охотник до шампанского.
4. Я был полон любовью.
5. Брат не любил света и не ездил на балы.
6. Ужас вошёл в меня.

Задание 4. Опишите внешность героев. Подберите к данным словам и словосочетаниям все возможные прилагательные, используя материал для ответов.

1. Варенька
2. Глаза Вареньки
3. Улыбка Вареньки
4. Иван Васильевич
5. Отец Вареньки (на балу)
6. Отец Вареньки (после бала)
7. Губернский предводитель
8. Солдат-татарин

Материал для ответов: весёлый, добродушный, грациозный, прелестный, молодой, красивый, ласковый, милый, блестящий, высокий, стройный, оголённый, хлебосольный, спотыкающийся, грузный, статный, богатый, свежий, корчившийся, величественный, бойкий, грозный, злобный, самоуверенный.

Задание 5. Раскройте скобки. Поставьте слова и словосочетания в нужную форму.

Вальсировал с (она);
не дожидаясь (приглашение);
уговорить (отец);
всё дело в (случай);

увлекаясь (рассказ);
жена его в (бархатное платье);
море (шампанское);
платье с (розовый пояс);
была в (белые лайковые перчатки);
любовались (она);
танцевал с (она);
поднялись из-за (карточные столы).

Задание 6. Допишите словосочетания согласно содержанию рассказа. Поставьте слова в нужную форму.

Вдеть шпагу в ... ;
поправить ... ;
обнимать ... ;
спрятал ... ;
топнул ... ;
смотрел ... ;
соединяю его и её в ... ;
вижу её в паре

Задание 7. Продолжите предложения согласно содержанию рассказа.

1. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней
2. Бал был чудесный
3. Варенька была в белом платье
4. Не я один, все смотрели на неё
5. Я был не только весел и доволен
6. Лицо у отца Вареньки было
7. Дождавшись начала мазурочного мотива,
8. Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидал
9. Когда шествие поравнялось со мной, я видел

10. Я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке
11. Мне было до такой степени стыдно
12. Между тем, на сердце была физическая, доходившая до тошноты тоска

Задание 8. Ответьте на вопросы.

1. На сколько частей можно разделить рассказ? Как можно назвать каждую из частей?
2. Что вы узнали об Иване Васильевиче? О его положении в обществе, об отношении к нему людей, о его внешности? О каком периоде своей жизни рассказывает Иван Васильевич? Что вы можете рассказать о его занятиях, образе жизни, интересах?
3. Что вы можете рассказать о бале? Об обстановке на балу? Об одежде людей? О музыке?
4. Расскажите о состоянии и чувствах, которые переживает Иван Васильевич на балу. Какие слова наиболее сильно передают его состояние? Что говорит Иван Васильевич о своём отношении к Вареньке и её отцу?
5. Что вы можете рассказать о Вареньке: о её внешности, одежде? Какая особенность её внешности привлекает Ивана Васильевича?
6. Расскажите об отце Вареньки. Какая черта его внешности особенно привлекает Ивана Васильевича и почему? Как он относится к дочери, к Ивану Васильевичу?
7. О чём рассказывает Иван Васильевич во второй части своего рассказа? Какую музыку он слышал? Отличалась ли она от той музыки, которая всё ещё звучала в его душе? Как он называет музыку, которую слышал?

8. Какую сцену увидел Иван Васильевич? Что особенно его поразило?
9. Что вы можете рассказать о поведении полковника в сцене наказания солдата? Об отношении его к солдатам, к солдату, подвергшемуся наказанию? Как вы думаете, почему полковник делал вид, что не замечает Ивана Васильевича? Меняется ли поведение полковника в этой обстановке?
10. Что говорит Иван Васильевич о том состоянии, которое он пережил при виде сцены наказания? Как всё это повлияло на его отношение к Вареньке, на его дальнейшую судьбу?
11. Сравните поведение полковника на балу и после бала. Его отношение к людям своего круга и к солдатам. Как такое поведение характеризует человека?
12. Как характеризуют Ивана Васильевича его чувства и переживания во время сцены наказания? Размышления после увиденного и пережитого? Какой путь борьбы со злом он выбрал? Какие существовали другие пути борьбы со злом?
13. Работая над рассказом, Л.Н. Толстой давал ему различные названия. Сначала он назвал его «На балу», «Сквозь строй». Потом – «Дочь и отец», «А вы говорите...». Затем назвал рассказ «После бала». Основываясь на содержании рассказа, дайте обоснование каждому из этих названий. Почему он остановился на названии «После бала»?

Задание 9. Напишите, какое впечатление произвёл на вас рассказ «После бала».

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

Л.Н. Толстой написал повесть «Смерть Ивана Ильича» после пережитого духовного кризиса и серьёзных изменений мировоззрения. Его очень волновали философские вопросы веры, смысла жизни и смерти, духовного прозрения и спасения.

В ней отражена жизненная история Ивана Ильича Мечникова, прокурора Тульского окружного суда, умершего от тяжёлого заболевания. Иван Ильич был братом знаменитого учёного Ильи Ильича Мечникова. Умирающий часто рассуждал о «бесплодности проведённой им жизни, о философских проблемах жизни и смерти».

Задание 1. Прочитайте слова и выражения, необходимые для понимания текста. Познакомьтесь с комментариями. Запишите новые для себя слова.

а)

Ворчать – сердито, негромко говорить, выражая недовольство; **ворчливый**.

Гардины (шторы, занавески) – ткань на окнах.

Оступиться – неудачно ступить, споткнуться.

Придирка – мелочный упрек, недовольство.

Служака (разг.) – опытный, старательный служащий.

Подъёмные – деньги, выплачиваемые для расходов на проезд к новому месту работы.

Шурин – брат жены.

Оттоманка – широкий диван с подушками вместо спинки и валиками по бокам.

Игнорировать (кого? что?) – умышленно не замечать, не принимать во внимание, избегать.

Заключение (медицинское) – вывод, диагностический результат.

Велеть – приказывать.

Щупать – пальпировать, исследовать пальцами рук.

Силлогі́зм – логическое умозаключение, в котором из двух данных суждений (посылок) получается третье (вывод).

Отча́яние – состояние безнадёжности.

(Лежать) **на́взничь** – лежать на спине, вверх лицом.

Мета́ться – беспокойно двигаться.

Клокотáть – шумно бурлить, издавать звуки движения жидкости.

Аго́ния – предсмертное состояние организма.

б)

Непроница́емый для ворчли́вости жены́ – который не реагирует на недовольство жены.

Суде́бный приста́в – в Российской империи должностное лицо в суде, судебный исполнитель.

Това́рищ прокуро́ра – заместитель прокурора.

Дурное расположе́ние ду́ха – плохое настроение.

Приходи́ть в бе́шенство – раздражаться до крайней степени, очень злиться.

Пра́здный вопро́с (*переносное*) – бесцельный вопрос.

Боль то́мит – мучает, изнуряет.

Огонь тух в его глазах (*переносное*) – глаза переставали выражать интерес к жизни.

Всем очеви́дно – всем понятно.

На цы́почках – на кончиках пальцев ног.

Помути́лось в голове́ ≠ прояснилось в голове.

Быть обрече́нным на страх – постоянно ощущать, испытывать чувство страха.

Быть бли́же к про́пасти – быть ближе к концу.

Быть в забы́тьи – находиться в беспамятстве (полусне).

Очну́ться – прийти в чувство (в сознание); опомниться.

Изможде́нное тело – крайне истощённое, измученное тяжёлой болезнью тело; изнурённое.

Задание 2. Прочитайте текст. Подготовьтесь к выполнению послетекстовых заданий.

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба. Он очень переменялся, но как у всех мертвецов, лицо его было красивее, главное – значительнее, чем оно было у живого.

– В последние дни он ужасно страдал, – сказала вдова.

– Очень страдал?

– Ах, ужасно! Трое суток сряду он, не переводя голоса, кричал! Ах, что я вынесла!

– И неужели он был в памяти? – спросил Пётр Иванович.

– Да, – прошептала она, – до последней минуты. Он простился с нами за четверть часа до смерти и ещё просил увести Володю.

* * *

Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и самая ужасная.

Иван Ильич был умный, живой, приятный и приличный человек, строго исполняющий всё то, что он считал своим долгом.

После двух лет службы Иван Ильич встретился со своей будущей женой. Прасковья Фёдоровна была самая привлекательная, умная, блестящая девушка того кружка, в котором вращался Иван Ильич. И Иван Ильич женился. Очень скоро, не далее как через год после женитьбы, Иван Ильич понял, что супружеская жизнь, в сущности, есть очень сложное и тяжёлое дело,

к которому нужно выработать определённое отношение, как и к службе.

Ивана Ильича ценили как хорошего служаку и через три года сделали товарищем прокурора.

Пошли дети. Жена становилась всё ворчливее и сердитее, но выработанные Иваном Ильичом отношения к домашней жизни делали его почти непроницаемым для её ворчливости.

Так шла жизнь Ивана Ильича в продолжение семнадцати лет со времени женитьбы. Он был уже старым прокурором.

Это было в 1880 году. Иван Ильич неожиданно получил в своём прежнем министерстве такое назначение, в котором он стал на две ступени выше своих товарищей: пять тысяч жалованья и подъёмных три тысячи пятьсот. Нашлась квартира прелестная, то самое, о чём мечтали муж с женой. Широкие, высокие, в старом стиле приёмные комнаты, удобный грандиозный кабинет, комнаты для жены и дочери, классная для сына – всё как нарочно придумано для них. Иван Ильич сам взялся за устройство, выбирал обои,



покупал мебель. Сам часто возился, переставлял даже мебель и сам перевешивал гардины. Раз он влез на лесенку, оступился и упал, но как сильный и ловкий человек удержался, только боком стукнулся о ручку рамы. Ушиб поболел и скоро прошёл.

* * *

Все были здоровы. Нельзя было назвать нездоровьем то, что

Иван Ильич говорил иногда, что у него странный вкус во рту и что-то неловко в левой стороне живота.

Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться и переходить не в боль ещё, но в сознание постоянной тяжести в боку и в дурное расположение духа. Дурное расположение духа это, всё усиливаясь и усиливаясь, стало портить установившуюся было в семействе Головиных приятность лёгкой и приличной жизни. Муж с женой чаще стали ссориться, и скоро отпала лёгкость и приятность, и с трудом удерживалось одно приличие. И Прасковья Фёдоровна теперь не без основания говорила, что у её мужа тяжёлый характер. Начинались его придирки всегда перед самым обедом и часто именно когда он начинал есть, за супом. Он раза два во время начала обеда приходил в такое бешенство, что она поняла, что это болезненное состояние, которое вызывается в нём принятием пищи.

После одной сцены, в которой Иван Ильич был особенно несправедлив и после которой он при объяснении сказал, что он, точно, раздражителен, но что это от болезни, она сказала ему, что если он болен, то надо лечиться, и потребовала от него, чтобы он поехал к знаменитому врачу.

Он поехал. Всё было, как он ожидал; всё было так, как всегда делается. И ожидание, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую он знал в себе в суде, и постукивание, и выслушивание, и вопросы, требующие определённые вперёд и очевидно ненужные ответы, и значительный вид. Для Ивана Ильича был важен только один вопрос: опасно ли его положение или нет? Но доктор игнорировал этот неуместный вопрос. С точки зрения доктора, вопрос этот был праздный и не подлежал обсуждению; существовало только взвешивание

вание вероятностей – блуждающей почки, хронического катара и болезни слепой кишки. Из резюме доктора Иван Ильич вывел то заключение, что плохо, а что ему, доктору, да, пожалуй, и всем всё равно, а ему плохо. И это заключение болезненно поразило Ивана Ильича, вызвав в нём чувство большой жалости к себе и большой злобы на этого равнодушного к важному вопросу доктора. Иван Ильич вышел медленно и поехал домой. И ему казалось, что смысл всего сказанного доктором был тот, что очень плохо. Боль же эта, глухая, ноющая боль, ни на секунду не перестающая, казалось, в связи с неясными речами врача получала другое, более серьёзное значение. Иван Ильич с новым тяжёлым чувством теперь прислушивался к ней.

Он стал принимать лекарства, исполнять предписания доктора, которые изменились по случаю исследования мочи. Но тут как раз так случилось, что в этом исследовании и в том, что должно было последовать за ним, вышла какая-то путаница. До самого доктора нельзя было добраться, а выходило, что делалось не то, что говорил ему доктор. Или он забыл, или соврал, или скрывал от него что-нибудь.

Но Иван Ильич всё-таки точно стал исполнять предписания и в исполнении этом нашёл утешение на первое время. Главными интересами Ивана Ильича стали людские болезни и людское здоровье.

Боль не уменьшалась, но Иван Ильич делал над собой усилия, чтобы заставлять себя думать, что ему лучше. И он мог обманывать себя, пока ничего не волновало его. Но как только случалась неприятность с женой, неудача на службе, так сейчас он чувствовал всю силу своей болезни. Он говорил себе: вот только что я стал поправляться и лекарство начинало уже действо-

вать, и вот это проклятое несчастье или неприятность... И он злился на несчастье или на людей, делавших ему неприятности и убивающих его. Ухудшало его положение то, что он читал медицинские книги и советовался с разными докторами. Ухудшение же шло так равномерно, что он мог себя обманывать, сравнивая один день с другим, – разницы было мало. Но когда он советовался с докторами, тогда ему казалось, что идёт к худшему и очень быстро даже. И несмотря на это, он постоянно советовался с докторами...

Но вдруг боль в боку, не обращая никакого внимания на период развития дела, начинала *своё* сосущее дело. Иван Ильич прислушивался, отгонял мысль о ней, но она продолжала своё, и *она* приходила и становилась прямо перед ним и смотрела на него, и он столбенел, огонь тух в глазах, и он начинал опять спрашивать себя: «Неужели только *она* правда?» И товарищи, и подчинённые с удивлением и огорчением видели, что он, такой блестящий, тонкий судья, путался, делал ошибки. Он встряхивался, старался опомниться и кое-как доводил до конца заседание и возвращался домой с грустным сознанием, что не может по-старому судейское дело его скрыть от него то, что он хотел скрыть; что судейским делом он не может избавиться от *неё*. И что было хуже всего – это то, что *она* отвлекала его к себе не затем, чтобы он делал что-нибудь, а только для того, чтобы он смотрел на неё, прямо ей в глаза, смотрел на неё и, ничего не делая, невыразимо мучился.

Боль в боку всё томила, всё как будто усиливалась, становилась постоянной, вкус во рту становился всё страннее, ему казалось, что пахло чем-то отвратительным у него изо рта, и аппетит, и силы всё слабели. Нельзя было себя обманывать; что-то страшное, новое и такое

значительное, чего значительнее никогда в жизни не было с Иваном Ильичом, совершалось в нём. И он один знал это, все же окружающие не понимали или не хотели понимать и думали, что всё на свете идёт по-прежнему.

* * *

Так шло месяц и два. Перед новым годом приехал в их город его шури́н и остановился у них. Войдя к себе в кабинет, он застал там шурина, здорового сангвиника. Он поднял голову на шаги Ивана Ильича и поглядел на него секунду молча. Этот взгляд всё открыл Ивану Ильичу. Шури́н раскрыл рот, чтобы ахнуть, и удержался. Это движение подтвердило всё.

– Что, переменялся?

– Да, есть перемена.

И сколько Иван Ильич ни наводил шурина на разговор о его внешнем виде, шури́н отмалчивался. Приехала Прасковья Фёдоровна, шури́н пошёл к ней. Иван Ильич запер дверь на ключ и стал смотреться в зеркало – прямо, потом сбоку. Перемена была огромная. Потом он оголил руки до локтя, посмотрел, опустил рукава, сел на оттоманку и стал чернее ночи. Он открыл дверь, пошёл в залу. Дверь в гостиную была затворена. Он подошёл к ней на цыпочках и стал слушать.

– Он мёртвый человек, посмотри его глаза. Нет света. Да что у него?

– Никто не знает.

Иван Ильич отошёл, пошёл к себе. Он позвонил, велел запрячь лошадь и собрался ехать.

Он поехал к приятелю, у которого был приятель-доктор. И с ним к доктору. Он застал его и долго беседовал с ним. Рассматривая анатомически и физиологически подробности о том, что, по мнению доктора, происходило в нём, он всё понял.

Была одна штучка, маленькая штучка в слепой кишке. Всё это могло поправиться. Усилить энергию одного органа, ослабить деятельность другого, произойдёт всасывание, и всё поправится.

И в его воображении происходило то желанное исправление слепой кишки. Всасывалось, выбрасывалось, восстанавливалась правильная деятельность. «Да, это всё так, – сказал он себе. – Только надо помогать природе». Он стал щупать бок, – на ощупь не больно. «Да, я не чувствую, право, уже гораздо лучше». Он потушил свечу и лёг на бок... Слепая кишка исправляется, всасывается... Вдруг он почувствовал знакомую, старую, глухую, ноющую боль, упорную, тихую, серьёзную. Ворту та же знакомая гадость. Засосало сердце, помутилось в голове. «Боже мой, боже мой! – проговорил он. – Опять, опять, и никогда не перестанет». И вдруг ему дело представилось совсем с другой стороны. «Слепая кишка! Почка! – сказал он себе. – Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти. Да, жизнь была и вот уходит, уходит, и я не могу удержать её. Да. Зачем обманывать себя? Разве не очевидно всем, кроме меня, что я умираю, и вопрос только в числе недель, дней?» Его обдало холодом, дыхание остановилось. Он слышал только удары сердца. Злоба душила его. И ему стало мучительно, невыносимо тяжело. Не может же быть, чтобы все всегда были обречены на этот ужасный страх. Он поднялся.

«Что-нибудь не так; надо успокоиться, надо обдумать всё с начала». И вот он начал обдумывать. «Да, начало болезни. Стукнулся боком, и всё такой же я был, и нынче и завтра; немного ныло, потом больше, потом докторá, потом унылость, тоска, опять докторá; а я всё шёл ближе, ближе к пропасти. Сил меньше. И вот я исчах, у меня

света в глазах нет. Неужели смерть?» И в отчаянии, задышавшись, он повалился на спину, ожидая сейчас же смерти.

* * *

В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого.

Тот пример силлогизма, которому он учился в логике: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, – казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к себе. Он пытался возвратиться к прежним ходам мысли, которые заслоняли для него прежде всего мысль о смерти. Но – странное дело – всё то, что прежде заслоняло, скрывало, уничтожало сознание смерти, теперь уже не могло производить этого действия. Последнее время Иван Ильич большей частью проводил в этих попытках восстановить прежние ходы чувства, заслонявшего смерть.

Как это сделалось на третьем месяце болезни Ивана Ильича, нельзя было сказать, потому что это делалось шаг за шагом, незаметно, но сделалось то, что и жена, и дочь, и сын его, и прислуга, и знакомые, и доктора, и, главное, он сам знали, что весь интерес в нём для других состоит только в том, скоро ли, наконец, он опростает место, освободит живых от стеснения, производимого его присутствием, и сам освободится от своих страданий.

Он спал меньше и меньше; ему давали опиум и начали прыскать морфином. Но это не облегчало его. Тупая тоска, которую он испытывал в полуусыпленном состоянии, сначала только облегчала его как что-то новое, но потом она стала так же или ещё более мучительна, чем откровенная боль.

Ему готовили особенные кушанья по предписанию врачей; но кушанья эти были для него всё безвкуснее и безвкуснее, отвратительнее и отвратительнее.

Главное мучение Ивана Ильича была ложь, – та всеми почему-то признанная ложь, что он только болен, а не умирает.

Ивану Ильичу в иные минуты, после долгих страданий, больше всего хотелось, как ему ни совестно было признаться в этом, – хотелось того, чтоб его, как дитя больное, пожалел кто-нибудь. Ему хотелось, чтобы его приласкали, поцеловали, поплакали над ним, как ласкают и утешают детей.

Поздно ночью жена вошла на цыпочках, но он услышал её: открыл глаза и поспешил закрыть опять. Она хотела сидеть с ним. Он открыл глаза и сказал:

- Нет. Иди.
- Ты очень страдаешь?
- Всё равно.
- Прими опиума.

Он согласился и выпил. Она ушла. Часов до трёх он был в мучительном забытии. Ему казалось, что его с болью суют куда-то в узкий чёрный и глубокий мешок и всё дальше просовывают и не могут просунуть. И это ужасное для него дело совершается со страданием. И он и боится, и хочет провалиться туда, и борется, и помогает. И вот вдруг он упал и очнулся.

«Может быть, я жил не так, как должно?» – приходило вдруг ему в голову. «Но как же не так, когда я делал всё, как следует?» – говорил он себе и тотчас же отгонял от себя это единственное объяснение всей загадки жизни и смерти как что-то совершенно невозможное.

«Чего же ты хочешь теперь? Жить? Как жить? Жить, как ты живёшь в суде, когда судебный пристав провозглашает: «Суд идёт!..» Суд идёт, идёт суд, – повторил он себе. – За что?» И он перестал плакать и, повернувшись лицом к стене, стал думать всё об одном и том же: зачем, за что весь этот *ужас*?

Но сколько он ни думал, он не нашёл ответа.

Прошло ещё две недели. Иван Ильич уже не вставал с дивана. И, лёжа почти всё время лицом к стене, он одиноко страдал и одиноко думал всё ту же неразрешающуюся думу: «Что это? Неужели правда, что смерть?»

С самого начала болезни, с того времени, как Иван Ильич в первый раз поехал к доктору, его жизнь разделилась на два противоположных настроения, сменявшие одно другое: то было отчаяние и ожидание непонятной и ужасной смерти, то была надежда и исполненное интереса наблюдение за деятельностью своего тела.

Стоило ему вспомнить о том, чем он был три месяца тому назад, и то, что он теперь, – вспомнить, как равномерно он шёл под гору, – чтобы разрушилась всякая возможность надежды.

* * *

Так прошло две недели. Он лежал навзничь, стонал и смотрел перед собою остановившимся взглядом.

В обычное время приехал доктор. Иван Ильич отвечал ему: «да, нет», не спуская с него озлобленного взгляда, и под конец сказал:

- Ведь вы знаете, что ничего не поможет, так оставьте.
- Облегчить страдания можем, – сказал доктор.
- И того не можете; оставьте.

Доктор вышел в гостиную и сообщил Прасковье Фёдоровне, что очень плохо и что одно средство – опиум, чтобы облегчить страдания, которые должны быть ужасны.

Доктор говорил, что страдания его физически ужасны, и это была правда; но ужаснее его физических страданий были его нравственные страдания, и в этом было главное его мучение.

Нравственные страдания его состояли в том, что в эту ночь ему вдруг пришло в голову: а что, как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, было «не то». Это сознание увеличило, удесятило его физические страдания. Он стонал и метался и обдёргивал на себе одежду. Ему казалось, что она душила и давила его.

Ему дали большую дозу опиума, он забылся; но в обед началось опять то же. Он гнал всех от себя и метался с места на место. Что-то сделалось новое: стало винтить и стрелять, и сдавливать дыхание.

С этой минуты начался тот, три дня не перестававший крик, который был так ужасен, что нельзя было за двумя дверями без ужаса слышать его. Иван Ильич понял, что он пропал, что возврата нет, что пришёл конец, совсем конец, а сомнение так и не разрешено, так и остаётся сомнением.

– У! уу! у! – кричал он на разные интонации. Он начал кричать: «Не хочу!» – и так продолжал кричать на букву «у».

Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, ещё сильнее сдавило ему дыхание, и он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то. С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда

думаешь, что едешь вперёд, а едешь назад, и вдруг узнаёшь настоящее направление.

«Да, всё было не то, – сказал он себе, – но это ничего. Можно, можно сделать «то». Что ж «то»? – спросил он себя и вдруг затих. Он спросил себя: что же «то», и затих, прислушиваясь. Тут он почувствовал, что руку его целует кто-то. Он открыл глаза и взглянул на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла к нему. Он взглянул на неё. Она с открытым ртом и с неотёртыми слезами на носу и щеке, с отчаянным выражением смотрела на него. Ему жалко стало её.

«Да, я мучаю их, – подумал он. – Им жалко, но им лучше будет, когда я умру». Он хотел сказать это, но не в силах был выговорить. «Впрочем, зачем же говорить, надо сделать», – подумал он. Он указал жене взглядом на сына и сказал:

– Уведи... жалко... и тебя... – Он хотел сказать ещё «прости», но сказал «пропусти» и, не в силах уже будучи поправиться, махнул рукою, зная, что поймёт тот, кому надо.

И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, вдруг всё выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон. Жалко их, надо сделать, чтобы им не было больно. Избавить их и самому избавиться от этих страданий. «Как хорошо и как просто, – подумал он. – А боль? – спросил он себя. – Её куда? Ну-ка, где ты, боль?»

Он стал прислушиваться.

«Да, вот она. Ну что ж, пускай боль».

«А смерть? Где она?»

Он искал своего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

Для него всё это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменилось. Для присутствующих же агония его продолжалась ещё два



часа. В груди его kloкотало что-то; измождённое тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало kloкотанье и хрипенье.

– Кончено! – сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, – сказал он себе. – Её нет больше».

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер. (По Л.Н. Толстому)

Задание 3. Найдите антонимы в ряду данных слов.

Ухудшать, заболеть, улучшать, отвратительный, увеличиваться, лёгкость, поправиться, усилить, неизвестный, опровергать, ослабить, любить, утверждать, ненавидеть, знаменитый, привлекательный, уменьшаться, тяжесть.

Задание 4. Найдите синонимы в ряду данных слов.

Равнодушный, грусть, удариться, продолжаться, безразличный, выздоравливать, заболеть, знаменитый, поправляться, захворать, утешать, врать, успокаивать, обманывать, печаль, известный, стукнуться, длиться.

Задание 5. Скажите то же самое по-другому.

1. В последние дни он ужасно страдал.
2. Иван Ильич женился.
3. Начинались его придирки всегда перед самым обедом.
4. Заключение врача поразило Ивана Ильича.
5. Иван Ильич стал точно исполнять предписания врача и в этом нашёл утешение.

6. Боль не уменьшалась.
7. Аппетит и силы всё слабели.
8. Всё идёт по-прежнему.
9. Он стал щупать бок.

Задание 6. Подберите к данным словам однокоренные, составьте с ними словосочетания.

Жизнь, смерть, дом, боль, лечение, здоровье.

Задание 7. Найдите в тексте названия комнат. Опишите квартиру Ивана Ильича, используя эти названия.

Задание 8. Выберите из текста слова и словосочетания, относящиеся к медицинской терминологии (причины заболевания, симптомы, характеристика процессов в организме и другое). Опишите с их помощью состояние Ивана Ильича.

Задание 9. Прочитайте фразы. Объясните разницу в выражениях времени.

1. Мы встретились через два месяца. – Мы встретились месяца через два.
2. Через три недели боли усилились. – Недели через три боли усилились.
3. Агония продолжалась ещё два часа. – Агония продолжалась ещё часа два.

Задание 10. Образуйте от данных прилагательных наречия и составьте с ними безличные предложения, выражающие физическое или эмоциональное состояние человека (кому + как).

Образец: трудный – трудно. Ему трудно дышать.

Больной, хороший, плохой, тяжёлый, грустный, холодный, жаркий, интересный, весёлый.

Задание 11. Ответьте на вопросы.

1. Как проходила жизнь Ивана Ильича до получения нового назначения по службе?
2. Что случилось потом?
3. Какие первые признаки недомогания появились у Ивана Ильича, с чем он их связывал, что считал причиной недомогания?
4. Как отразилось это недомогание на взаимоотношениях в семье?
5. Как прошёл первый визит Ивана Ильича к врачу?
6. В чём Иван Ильич нашёл утешение на первое время?
7. Как Л.Н. Толстой описывает ухудшение состояния больного?
8. Что способствовало ухудшению его состояния?
9. Как произошла действительная «материализация» (оживление) боли, превращение её из ощущения в реальное существо?
10. Был ли Иван Ильич сосредоточен на своих болезненных ощущениях?
11. Какие внешние изменения произошли с ним?
12. Какие новые чувства появились у Ивана Ильича? Какое твёрдое убеждение сформировалось у него? Боялся ли он смерти?
13. Как вы считаете, может ли болезнь усилить нравственные страдания, спровоцировать самоанализ?
14. Когда Иван Ильич рационален и логичен во всём, а когда нет?
15. В чём состояли нравственные страдания Ивана Ильича?

16. Во время последнего разговора с женой произошла такая ситуация. «Иван Ильич хотел сказать жене «прости», но сказал «пропусти» и, не в силах уже будучи поправиться, махнул рукою, зная, что поймёт тот, кому надо». Как по-вашему, что этим хотел сказать Иван Ильич?
17. Что произошло с Иваном Ильичом, почему он перестал ощущать привычный страх смерти? Что он внезапно осознал?
18. Согласны ли вы с мыслью Толстого о том, что чтение медицинских книг и визиты к разным врачам отрицательно влияют на самочувствие больного?

Задание 12. *Выполните следующие задания.*

1. Попробуйте поставить диагноз болезни Ивана Ильича. Аргументируйте свою точку зрения.
2. Расскажите, как протекала агония у Ивана Ильича.

Задание 13. *Выразите своё отношение к повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» (письменно).*

Оглавление

Неизвестный цветок	3
Голос и глаз	10
Снег	17
Белая радуга	30
Книга	40
Враги	55
В аптеке	72
Ах, зубы!	80
Чудесный доктор	85
Барышня-крестьянка	99
После бала	112
Смерть Ивана Ильича	129

Учебное издание

БРУС Татьяна Борисовна
ВАСИЛЬЕВА Татьяна Юрьевна
МАЛЬКОВА Татьяна Алексеевна
и др.

Художественные тексты для чтения и развития речи

Часть III

Учебно-методическое пособие

Редактор И.А.Флоряну
Технический редактор И.А.Борисов
Компьютерная верстка Л.А.Гусаковой

Подписано в печать _____ Формат бумаги 64х1/16.
Бумага типографская № 2. Ризография. Усл. печ. л. _____
Уч.-изд. л. _____ Тираж _____ Заказ № _____
Издатель и полиграфическое исполнение УО «Витебский государственный
медицинский университет»
ЛП № 02330 / 453 от 30. 12. 2013.
Пр-т Фрунзе, 27, 210023, г. Витебск